ЦЕНА номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

Август 1929

34689

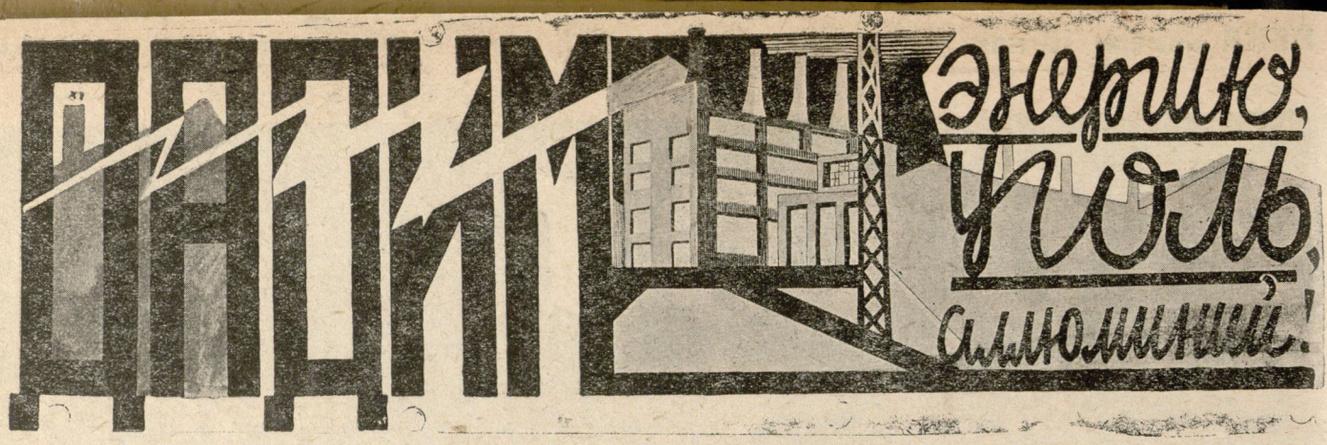

8 (33)

Тип крестьянки Скопинского района.

Фото С. Громова.

Даешь энергию, уголь, алюминий!

ОТГРЕМЕЛИ грозы гражданской войны. Республика начала залечивать свои раны, восстанавливать народное хозяйство, а потом и перестраивать его на социалистический лад. Тогда вспомнили и о Подмосковном бассейне. И вспомнили уж „всерьез и надолго".

Крепкая, спаянная группа большевиков-хозяйственников, инженеров, техников и простых шахтеров, излазивших в своих шахтах каждый уголок, болеющих за родной уголь, стала во главе нового треста Москвуголь.

Эти люди, умевшие сочетать революционный энтузиазм с американским деловым практицизмом, взвалили на свои плечи тяжелый труд: не только возродить бассейн, но и „переделать" свой уголь.

Год за годом, напряженно работала мысль забойщика, упорно ковырявшего обушком угольные пласты, вагонщика, гнавшего вагонетку за вагонеткой к стволу, инженера, склонившегося над чертежами. Мысль всех этих людей работала над одним вопросом: как облегчить добычу своего уголька. О напряженной работе этой мысли свидетельствуют результаты четырехмесячного смотра рудников Подмосковного бассейна, проведенном тульским „Коммунаром". Больше 240 предложений по улучшению производства внесли подмосковные горняки.

Результаты этой творческой работы сказались быстро. Жалкие „дудки" сменились мощными шахтами, первобытные лампочки „бог в помощь" — усовершенствованными „вольфами" и дуговыми фонарями, обушки—мощными врубовыми машинами, взрывными работами и отбойными молотками, узкие штреки—широкими лавами...

Но это было еще полдела. Главное ожидало впереди. Нужно было не только усовершенствовать добычу угля, но и изменить его качества.

Подмосковный уголь имеет низкую калорийность (3000—3500 калорий), содержит много сернистого колчедана, водянист, имеет до 25 проц. зольности. Кто мог думать, что именно это соединение отрицательных качеств принесет ему через 3—4 года славу и всеобщее признание?

Но, когда представители Москвугля начали говорить в многочисленных московских учреждениях о тех неисчерпаемых возможностях, которые таит в себе подмосковный уголь, почтенные слушатели недоуменно пожимали в ответ плечами и говорили мягко, но веско:

— Увлекаетесь, товарищи! Поменьше фантастики, побольше реализма! Копайте свой уголь и не витайте в облаках!..

А втихомолку посмеивались и называли трестовиков „Жюль-Вернами", а проекты их „сказочками из тысячи и одной ночи".

Но „Жюль-Верны" знали, что делали и во имя чего делали. Ни холодок в центре, ни другие препятствия не сломили их волю. Упорно долбили они стену недоверия.

Первое, за что нужно было взяться—это организовать правильное, научно-поставленное изучение подмосковного угля. Были при этом поставлены две проблемы: 1) найти способы использования подмосковного угля с максимальным эффектом, 2) разложить уголь на составные части, так сказать, на „первоначальные множители", использовав каждую из этих частей наиболее продуктивно.

Опытами по изучению и переработке подмосковного угля взялся руководить мировой химик-академик Ипатьев, а в Германию (Силезия) была отправлена специальная экспедиция, которая повезла с собой 20 вагонов нашего угля для производства опытов.

Многое, конечно, немцы показали нашим наполовину, многого и совсем не показали, но и того, что удалось увидеть, было достаточно для любопытных сравнений и удивительных выводов.

Немцы делают с своим бурым углем буквально чудеса, заставляя его не только прекрасно гореть, но и давать множество ценнейших химических продуктов. Силезские бурые угли, как две капли воды, похожи на подмосковный уголь. Следовательно, то, что возможно сделать с силезским углем, применимо и к нашему. Все эти выводы экспедиции блестяще подтвердились опытами академика Ипатьева и собственной маленькой лаборатории Москвугля.

Прежде всего, оказалось, что подмосковный уголь не так уж плох даже в его «первородном» виде. Мы, просто, не умели рационально его использовать. Сжигавшийся уголь чадил, портил топки, имел низкую калорийность. Оказалось, что коэффициент полезного действия угля можно свободно увеличить с 48 до 75 проц. Для этого достаточно сжигать его в пылевидном состоянии, в специально сконструированных для этой цели печах, с механизированными колосниковыми топками (такие печи теперь уже существуют). В таком виде «скверный» подмосковный уголь горит, почти как нефть. Это открывает богатейшие перспективы. Дорогой экспортный донецкий уголь можно с успехом заменить подмосковным, стоит только переоборудовать для этого печи наших заводов и фабрик. Это даст стране сотни миллионов рублей ежегодной экономии. Многие наши электростанции в ближайшее время переходят уже на подмосковный уголь.

Но этого мало! Возможности подмосковного угля поистине неисчерпаемы и простираются гораздо дальше.

Взгляните на карту пятилетки Подмосковного бассейна. Гигантская лента протянулась по ней, по линии: Бобрики—Тула—Москва. Это—мощный газопровод, постройка которого будет закончена к концу пятилетки. Уголь пойдет в Москву и Тулу в виде прекрасного топлива — высокотеплотворного светильного газа. Раньше под перевозку угля требовались тысячи вагонов, теперь их заменит газопровод.

Зайдите в маленькую, примитивно оборудованную лабораторию Москвугля. Здесь с подмосковным углем производятся интереснейшие опыты. Из него добывается драгоценная смола, дающая бензин, спирты, легкие масла. После выгонки смолы остается полукокс—ценнейший сорт угля.

Подмосковный уголь дает берлинскую лазурь (краска для вагонов) и чернила, сернистый колчедан, из-за которого уголь «воняет», глинистые породы, в которых залегает уголь («синика», или «дурника», как зовут эти породы шахтеры), зола,—все эти несчастья, эти «хронические болезни» Подмосковного бассейна превращаются в лаборатории в крупнейшие ценности. Колчедан дает серную кислоту, «дурника» — драгоценный алюминий, разработки которого в бассейне будут занимать второе место по СССР, зола-шлак превращается в кирпич. Из этого кирпича целиком уже построен рабочий поселок на руднике им. Рыкова.

Переработка угля обещает большие экономические выгоды. Из тонны угля, при сравнительно небольших затратах, будет вырабатываться: 50 клг. смолы, 4 клг. бензина, 1850 куб. мет. газа и 5 центнеров (половина тонны) кокса. Все эти продукты будут стоить в общей сложности, 27 р. 75 к. по продажной цене. Это значит, что тонну угля, которая стоит в натуральном виде 6—7 р. удастся продать в 4 раза дороже.

Кроме угля, Подмосковный бассейн богат ценнейшими глинами, на которых вырастут керамические заводы. Из этих глин можно изготовлять кольца Рошига для нефтяной промышленности (этих колец мы выписывали из-за границы на 4 мил. рублей в год), фасонный подвесной кирпич для электропромышленности (тоже выписывался из-за границы), изоляционный фасонный кирпич, клинкер, выдерживающий давление в 800 клг. (для практических целей достаточно 400 клг.), плиты для полов и кислотоупорные канализационные трубы, которыми Тула уже частично пользуется.

Совсем недавно на Щекинском руднике обнаружены залежи ценной огнеупорной глины на площади до 50 га. Запасы этой глины исчисляются до 1 мил. тонн. Залежи расположены всего в 1 клм. от керамического завода, который может теперь отказаться от бобриковской глины, более низкой по качеству и доставлявшейся по железной дороге за 80 клм.

Широко раскинулся Подмосковный бассейн. Уголь его залег в глубинах пяти губерний: Тульской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тверской и занял площадь в 25.000 кв. клм. Угольные запасы бассейна колоссальны. Ориентировочно они измеряются в 4 миллиарда тонн, но возможны «поправочки» в сторону увеличения этой цифры.

Гигантские возможности, открывающиеся перед Подмосковным бассейном, определяют и тот мощный размах строительства, которое уже частично в бассейне начато.

Химический завод (он должен дать 60.000 тонн минеральных удобрений ежегодно), керамический и газовый заводы, газопровод—вот что будет создано в бассейне через 5 лет. А на этом фоне мощным венцом строительства, его завершением, поднимется высоко гигантская электростанция на 300.000 киловатт, в пять раз более мощная, чем Волховская, немногим уступающая Днепрострою.

Мих. Мосолов и Вл. Рязановский.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

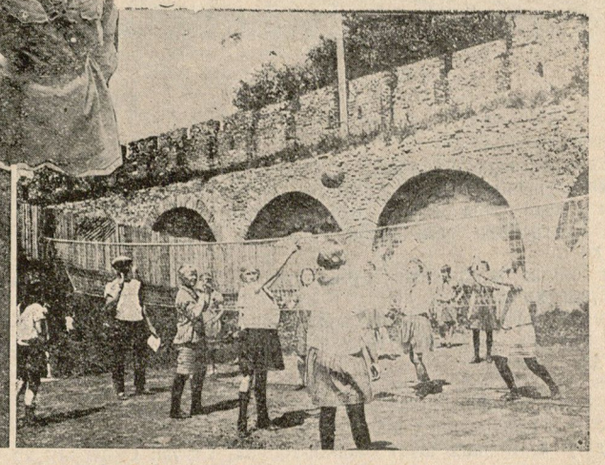
Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Август 1929 года. | № 8 (33)

СЛЕТ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ.

ЗА СМЕНОЙ—СМЕНА...

1. Слет юных пионоров Заречья.
2. Занятие физкультурой в Кремле.
3. Слет начался. Проходят колонны
4. На демонстрации.
5. Дошкольники на площадке.
6. Юные пионеры беседуют с комсомольцами в Ясной Поляне.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ... 12 10 2 ...

Они идут, идут за нами..
Грядущее им место приготовь...
Они подняли детскими руками
Знамена наши,
Нашу кровь...
И, вторящая грозовым раскатам,
Их песня — солнечна и горяча...
Дорогу —
Нашим радостным ребятам,
Широкий путь —
Внучатам Ильича!

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ.

За индустриализацию и коллективизацию советской страны! За учебу, за новый быт! Против фашизма и империалистической войны! За всемирную революцию!

Рассказ С. Дмитриева. *Рис. автора.*

Мелинские колхозники шли на покос. Утро благоухало запахами росных трав и цветов, шелково лоснились овсы и молодо сиял белоствольный березняк.

Колхозники шли шибко, неся на плечах розово сверкающие косы.

Среди синих и красных рубах лаково блестела голая спина Леньки Гришухина.

— Дьявол,— урезонивал Леньку чернобородый Федор,—пра дьявол, ты б хоть на людях-то рубаху надевал...

— Я для гигиены.

— Для гиены... Вон, гляди, золинские идут,—засмеют.

Впереди, от выселок, шли золинские, тоже на покос.

Колхозники смотрели на овсы

— Вот у золинских шатиловский-то! ах, хорош! Смотрели на выселки—

— Гляди, золинские отстраиваются как!

Свежие срубы весело блестели на утреннем солнце.

Несмотря на ранний час, уже стучали топоры плотников, шебаршили пилы, и молодой, в белом фартуке, плотник пел песню. У дороги лежали бревна, вороха щепок и густой, смолистый запах щекотал ноздри.

— Савватей-то Миронов, гляди, домино какой отгрохал!

На выгоне повстречались колхозники с золинскими мужиками.

Мужики веселые, смотрят на колхозников—усмехаются.

У дяди Ферапанта рыжая борода и та будто сливается.

Но здороваются золинские по-приятельски:

— Товарищам коммунарам, почет и уважение!

— Косить?

— Чай, видите.

И опять золинские щурятся, а белобрысый паренек ощерил белые зубы:

— Запродали бы нам делянку-то.. Вам на што? Все одно кормить сеном некого будет. Гляди, до осени-то и коней всех поедите.

— Кони нам на што?—серьезно сказал Ленька,—на кой нам кони будут? Мы, дай, живоглотов разгоним,—трактор заведем.

— Тлактор!—дружно захохотали золинские.

— Тла..актор!

— Ты штаны-то остатние держи крепше - тлактор!.. Рубаху-то проколхозил!

Золинские свернули вправо. Они долго оглядывались, и озорной парень драл свою здоровенную глотку:

— Э.. э.. э!.. Комму ... ния!.. Пойдете в кусочки, приходите подадим!..

Ленька руки рупором:

— Не ходим к мироедам!

II

Солнце было уже высоко. Давно высохла роса, и в густой тени под старой, корявой ветлой, было жарко, как в бане.

Егор Иванович, сидел на бережку пруда без рубахи и расчесывал мокрые волосы.

Его тесть, Онисим Хорьков, стоял по живот в воде и намыливал голову.

Широкими, ртутными кольцами расходилась вокруг него вода.

— Сколько ж в городе этой пылищи,—говорил Хорьков, скребыхая ногтями голову.

Меня озолоти, не поеду в город жить... Городской человек—самый несчастный по летнему делу.

— Мойся а ты, да пойдем,—сказал Егор Иванович. Он собрал волосы с гребенки, вытер ее о штаны и сунул в карман.

В голове спохмелья было мутно.

Егор Иванович смотрел на ясную воду и видел ее в зеленом тумане.

Около него шлепнулся кусок зеленого мыла, и тихий пруд вскипел вдруг шумно и искрометно.—Это бултыхался Хорьков.

В кустах пропел петух.

Егор Иванович повернул голову:

— Перестань ребячиться.

В ответ опять раздалось петушиное пение, и в зелени появилась опухшая, красная, как пареная морковь, рожа колхозовского «булгахтера» Щемилова.

— Егор Ивановичу! Нешто я ребячусь? Какое у вас понятие! Покойный пристав, Веньямин Ксенофонтович, с превеликим удовольствием слушали мое искусство. Они мне так и говорили: за то только я и держу тебя в писарях—за петушиное искусство. Так, говорит, только один генералиссимус Суворов мог петуха изображать!

Щемилов сел на корточки рядом с Егором Ивановичем:

— Угощайте городскими папиросами.

От Щемилова пахло навозом и спиртным перегаром.

— Онисиму Лукичу! С приездом!—крикнул он закуривая.

Хорьков вылезал из воды, грузно двигаясь, словно пробираясь сквозь густую заросль.

Фыркая, отдуваясь и вытирая лицо ладонью, он, занеся ногу на берег, остановился, глядя к плотине.

— Никак, косорукий идет.

И верно: шел почтарь Никодим, безбородый и безусый мужик, однорукий и бойкий в ходьбе.

Пустой левый рукав рыжего пиджака был подсунут под ремень, сбоку горбатилась сумка.

И пока Хорьков надевал штаны, Никодим подошел.

— Здорово живете.

— Письмо что ли?—спросил Егор Иванович.

Никодим копался в сумке:

— Газетки... газетки... Вота.

Подавая газету Егору Ивановичу, Никодим качнул головой и улыбаясь, сморщенный, сухенький личиком, сузил глаза:

— Кто б это такое прописал вас, дошлый какой человек... Я даве как прочитал—свой, думаю, человек угораздился... Тонко дело знает...

Хорьков с минуту остался с поднятой кверху рукой — он совал ее в рукав рубахи, Щемилов, разиня рот и выпучив судачьи глаза, смотрел, не мигая, на Никодима.

Сидя на корточках, он уперся растопыренными пальцами в землю и было похоже, что он готов куда-то бежать.

Егор Иванович бегал глазами по газетному листу.

— Во, здесь,—ткнул Никодим коротким пальцем в газету.

Тогда все трое, Егор Иванович, Хорьков и Щемилов, воткнулись в газетный лист и все трое стали читать вслух, перебивая друг друга: «В кулацкой паутине».

— Паутине...

— В колхозе «Вперед» царит кулацкое засилье..

— Засилье...—ф. . . фу,—тяжко перевел дух Хорьков.

— Бедняки задавлены .. кулаки... растащили... скот племенной... ссуда долгосрочная... Председатель, член ВКП (б)... пьянствует вместе с чуждым элементом, пропивает колхозное имущество ..

— Ах, стерва,—воскликнул Щемилов, ударяя себя по ляжкам. Ат, сволочь, рабкоришка! Все они врут!. Чего написали: «племянник Хорькову... волостной писарь Щемилов». Да я отродясь волостным писарем не был... У пристава в канцелярии всю жизнь..

— Прописано досконально,—кивнул головой Никодим, и его плевок, пущенный со свистом сквозь зубы, полетел в пруд уклейкой.

— Пропечатано ловко.

Щемилов окрысился:

— Не тявкай. Пропечатано!. Мало ли чего пропечатают.

Чему ощеряешься!

— Да, перестань ты, чернильная душа,—прикрикнул Егор Иванович на Щемилова и обложил его крепким словом.

Никодим вдруг заторопился

— Пойтить... Побегать... Мое дело--бегай, да бегай...

Поправил ремешок на плече, приподнял картуз:

— Счастливо оставаться.

III

Стоит над садом высокий жаркий день, полный непрерывного пчелиного гула. Егору Ивановичу кажется: горячим газетным листом висит над головой небо и шумит—шумит. .

Пойти б куда-то в тишину, обдумать все обстоятельно.

Хорьков видел, что зять встревожен. Сам он быстро овладел собой, и жене и дочери он с радостью сообщил бы новость, но чтоб не было лишних преждевременных разговоров, он отослал женщин домой.

— У нас екстренное заседание по одному случаю...

Потом, наполняя рюмки вином, он говорил Егору Ивановичу.

— Ты очень-то не сумлись. От думы в мозгах затемняется... А в газетах всякое брешут.

— Да вот, хотя бы про меня,—тонко заверещал Щемилов,—как есть соврали... Могу опровергнуть документально... Ленька все это Он мутит...

— Отодвинув газету в сторону, Егор Иванович сказал:

— Сколько веревочке ни виться—кончику быть.

Он по-стариковски крякнул и посмотрел на рюмки:

— Чего чиркаться, лей в стакан. Хорьков, подпирев голову растопыренными пальцами, говорил Щемилову:

— Сбегай к свату... Скажи—дело есть.. Сейчас штоб шел...

— В един миг.

Но Егор Иванович не стал ждать. Он выпил два стакана вина. Вино не веселило.

— Голова трещит... Пойду. .—сосну часок. Хорьков не стал его удерживать.

— Што ж... Сосни... Сном все проходит... Успеем, авось, посовещаемся.

И, глядя в след зятю, он злобно скосил рот, усмехнулся и вслух проговорил:

— Заячья душа... Дурак . Сидеть тебе в тюрьме за решоткой..

За себя Хорьков не боялся. «Мое дело сторона... Я не председатель... Председатель за все в ответе... А нам правленцам што? А и посадят беда не велика... Старуха у сына проживет, Ольга за другого замуж выйдет, теперь у ней нарядов много, баба молодая! Женихи найдутся.. А меня пусть сажают.. И за то.. На то я и Хорьков!.. Мое слово твердо.. Сказал—сделаю.. и сделал .. Теперь мужиков в комуню эту самую на аркане не затащишь. Так-то..» Хорьков, степенно поглаживая бороду, поднялся и пошел к дому.

— Секлетинь!—кликал он..—Секлетинь! Иди чай пить... Да захвати-ка там малинового... Иди-ка. Благодать в саду-то.

IV

Вдали, от реки, сверкавшей на повороте среди лозин под солнцем, тянулись с лугов телеги с сеном, синели на горизонте леса, затуманенные зноем облака стояли неподвижно над лесами, по пригоркам лепились тихие деревушки. Егор Иванович лежал в траве, закинув руки за голову.

Эх, Егор Иваныч...

— Хорошо б уснуть, после сна голова лучше работает.—Но сон не шел, а тревога росла.

Будто сегодня вот только проснулся он, Егор Иванович, и, проснувшись, увидел всю безвыходность положения. «В городе,—подумал Егор Иванович,—там хорошо. Там губкака близко, живо исправят». А тут вот. . Прошел год целый в пьяном угаре... Натворил он, Егор Иванович, дел. Верно в газете написано: «В кулацкой паутине».

— Как же так вышло,—поднялся с травы Егор Иванович и обхватил колени руками. Как-же так? Где-ж моя голова была?

— Видом любуешься, хозяин?

Около Егора Ивановича, сбоку, стоял Василий Жуков, взъерошенный, в распоясанной рубахе, в коротких, широких штанах.

Он был пьян. Он стоял, заложив руки за спину, и его худое, загорелое, обросшее желтым, кудрявым волосом лицо, нехорошо улыбалось.

— Буренку поминаю,—сказал он и качнулся.

— Чего ж не работаешь?—спросил Егор Иванович.

— А чего ты, то и я. Я по коровке поминки справляю. С'ел колхоз мою коровку... а ребята плачут... А баба меня бьет... Истинный бог—бьет... Ты, говорит, не отец своим птенцам, а чорт! И понес, говорит, тебя в коммуну дьявол...

Василий пожал плечами и усмехнулся:

— Баба...

И вдруг улыбка сбежала с его лица, судорожно перекосился рот.

— Х... хозяин!—вдруг истошно завыл Василий, подавшись вперед,—сволота! Брюхо растишь! Нашу кровь с Хорьком пьете! Куда я теперь из вашего колхоза? По миру!.. по... о.. ми.. и.. ру!. Э.. эх... растакая ..

Егор Иванович вскочил и взял Василия за руки:

— Проспись, иди... Проспись...

Василий выл:

— Сживет меня баба со свету:

— С'ест...

— Проспись...

— Эх, Егор Иванович... Друг, хозяин ты колхозный... Хороший ты человек, ты ведь из бедняков вышел, почему ж ты сволочь такая? А? Бить што ль хочешь?.. Как Андрюху Сычкова? Што ж... Бей... Бей... На, бей —кричал Василий обнажая сухую грудь.

— Иди, проспись,—и Егор Иванович под-руку повел Василия к деревне.

V

День проходил тяжело и нудно. Дома пахло духами, губной помадой. Жена, завитая и напудренная, от скуки жаловалась на «невры».

Она томилась деревенской жизнью. Она, Ольга, знает себе цену. Ей ли первой красавице в округе, губить свою жизнь в деревне?

Ее подруга Наська Кривова, дурнушка, и та в городе, замужем за ответственником, одевается шикарно и каждое лето на курорт ездит...

— Горушка,—тянется Ольга к Егору Ивановичу,—ты б мне курорт выхлопотал... У меня такие невры... Я прямо больная...

Егор Иванович сидел, наклонившись над счетами.

Он хмуро отстранил жену.

— Не мешай... Шла б сено ворошить... Ты ведь прямо паразитка...

Ольга отступила, ахнув. Сквозь пудру на ее лице пятнами проступила краснота и глаза загорелись злобой:

— Хам!. Мужик!. С....с... сволочь... Батрак!

Егор Иванович видел: она присела и вдруг, повалившись на пол, пронзительно заголосила:

— Умираю!..

Егор Иванович встал и вышел из дома.

Он едва успел закрыть дверь, как Ольга распахнула ее настеж:

— Хам!.. Батрак!..

Половая щетка полетела вслед Егору Ивановичу.

VI

Обиженная жена ушла в Золино к подруге.

Поздно вечером Егор Иванович сидел на крыльце и курил.

Тогда пришел отец.

Он тяжело опустился на ступеньки и сказал:

— Не спится... В избе духота... А на воле такой дух сладкой... Думаю, дай, проветрюсь... А ты чего ж сидишь?—посмотрел он в глаза Егору Ивановичу.

— Гуляю.

— Гуляешь?.. Што ж... Гуляй, гуляй. Собака так-то гуляла, да хвост потеряла... Гуляй... Ништо.

Отец, опираясь на костыль, поднялся.

— А ты, вот што... Пойдем-ка малость себе пройдем, поговорим... Иль не хошь с отцом разговоров иметь. Отец ругается!.. Отец стар, ворчит... Из ума выжил! Зазорно отца слушать!.

— Отчего ж? Поговорим, коли надо,—ответил Егор Иванович и послушно пошел за отцом.

Старик пошел шибко и тяжело дышал.

— Какое ж теперь положение?—спросил он. Как ответ держать будешь?

Из немецких поэтов.

«Из немецких поэтов» — первая попытка познакомить читателей «Молота» с современными иностранными поэтами. Правда, первый выбор переведенных поэтов может быть случаен, но все же эти поэты заслуживают внимания русского читателя.

АРНО ГОЛЬЦ—этот, так называемый, «отец немецкого натурализма» (der Vater des deutschen Naturalismus), как нельзя лучше рисует жизнь и быт нищеты немецких больших городов и ее настроения. Переведенное мною стихотворение «Соседство» (Meine Nachbarschaft) служит ярким подтверждением этого.

Второй поэт Л. ЛЕССЕН, с нашей точки зрения, газетен. Но в социал-меньшевистской Германии его стихи звучат песней бунтаря. Его «Демонстрация»—яркий кусок из жизни немецкого пролетариата, умеющего, когда нужно, показать свою мощь и сплоченность пред лицом своих эксплоататоров,—буржуа.

Редакция «Молота» думает ввести печатание переводов из иностранных революционных писателей и поэтов в систему.

Арно Гольц.

Соседство.

Мое окно глядит на темный, мрачный двор
С стеною закопченою и грязной крышей.
Я счастлив был бы с давних, давних пор,
Соседей коль моих не видел бы, не слышал...
Лишь только звезды, в смену солнечным лучам,
Польют дрожащий свет с темнеющего неба,
Бедняк—сапожник чинит обувь по ночам,
А с ним за штопаньем жена,
И дети просят хлеба.
И сколько раз полуночной, безмолвною порою
Меня будил их стон от спячки сладкой.
Я вскакивал с кровати и, не скрою,—
Меня бросало в жар и лихорадку.
Вот девочка, вот мальчик, всхлипывая, плачут,
Грудной ребенок им в кроватке вторит...
И в пляске бешеной здесь кружатся и скачут.
Непобедимые, нужда и горе.
Как будто не бывало сна... Следа нет дремы...
И мысль долбит мой мозг железной палкой...
И кажется: пред мрачным, жутким домом
Стучат колеса катафалка.
Три детские кроватки,—три новых гроба,
Выносятся под ветра заунывный плач.
Пьянчуга-кучер ругается так злобно
И бьет кнутом измученных кляч.
Вот тронулась повозка по тряской площади.
В свой невеселый, могильный путь...
Пьянчуга-кучер... Измученные лошади...
Попробуй-ка засни и это позабудь!
Заснуть ли тут, когда кругом такая нищета,
Когда ее на смерть бросает бессердечье,
Чтоб самому миллионов не считая,
Их отдавать за ночь одну, иль вечер?
И вот, когда огни салонные горят,
Когда в шелках бездельники пьют вина и любовь,
Мне слышатся, при свете жалком фонаря,
Голодный плач и щелканье зубов.

С немецкого перевел
Алексей Медведев

Л. Лессен.

Демонстрация.

Глянь, от фабрик и заводов,—
Глянь, из узких переулков
Идут люди, точно воды,
Рвутся в море шумно-гулко.

* * *

Знамя красное, вздымаясь
Над сплоченною толпою,
Вдохновляет, порождает
Песни воли, песни боя.

* * *

Дайте руки брату брат...
Становитесь, как один!
Всяк, кто был рабом вчера,
Нынче будет господин.

С немецкого перевел
Алексей Медведев

Егор Иванович молчал.

— Иль ты истуканом стал?—громко спросил старик.—Иль совсем отца и слушать не желаешь? Совесть-то, совесть-то.... в бабьем шелковом подоле оставил? Она у тебя барыня... Эна ты ей добра-то на колхозовские денежки накупил... Ей што ж...

— Знаю,—сказал Егор Иванович.

— Знаешь... знаешь... А ты знай край, да не падай...

Старик задышал еще тяжелей и замолчал.

И так они шли молча и вышли в поле.

Поле голубело под луной и было похоже на тихое море и причалившим, с потушенными огнями кораблем тишинел погост.

— Куда ж мы?—спросил Егор Иванович.

Он хотел повернуть обратно, но отец крепко взял его за руку и у самого лица замотал длинной, жесткой бородой:

— Поди, поди... Слово скажу.. Поди...—Жилистая рука старика, как тисками, зажала руку Егора Ивановича.

Показывая костылем вперед, старик поволок растерявшегося сына.

«С ума сошел» обожгла Егора Ивановича страшная мысль.

— Пусти!—рванулся он.

— Поди... Поди...—

И вот они у деревянных кладбищенских ворот, и Егор Иванович поражен мертвой белизной распятья и шопотом отца:

— Коммунары-то в осьмандцатом году... и братец твой, Савостьян... костьми .. за трудовой народ... костьми легли... Погоди.. Воспомяни... А ты как?.

И старик властно тащил сына вдоль поломанной деревянной ограды—изгороди к заросшему травой холму—могиле коммунаров.

— Поди...—и старик поднял вверх костыль.

Пусти! Ты... с ума сошел!— дико заорал Егор Иванович и в бешенстве схватил отца за ворот рубахи, стал трясти его.

Старик вдруг обессилел, его лицо стало белей бороды, а широко открытые глаза были полны слез.

Он выронил костыль и повалился на землю, тонко, по-младенчески заныв.

VII

Собрались колхозники на зеленой лужайке перед председательским домом. Собрались все от мала до велика, пришла из соседней деревни беднота.

«Никогда еще так много народу не собиралось», думал Егор Иванович. Он сидел рядом с секретарем райкома и рассеяно смотрел на стол.

Остановил глаза на листе бумаги, в сотый раз прочел: «о социалистическом соревновании».. «состояние колхоза... и перспективы».

Секретарь что-то тихо говорил представителю РКИ, высокому, стриженому, ясноглазому человеку в холщевой рубахе.

Потом выбрали президиум и рядом с Егором Ивановичем села Акулина Киселева, в белой кофте и белом с красными цветами платке. К ней подсаживался Макар Живцов, в накинутом на плечи кафтане.

— Двигайся маленько, потеснись,—говорил он ей, улыбаясь.

Доклад о социалистическом соревновании делал представитель колхозсоюза.

Стояла тишина, изредка прерываемая плачем ребенка.

Впереди, на бревнах сидел Хорьков, окруженный родней, сватами и кумовьями.

Сбоку в толпе Егор Иванович увидел жену.

Она жеманно подбирала противно накрашенные губы и не спускала глаз с секретаря райкома.

«Сука»—сказал про себя Егор Иванович. Он отвернулся от нее и стал смотреть на мужиков.

Вот она, беднота деревенская .. она пришла в колхоз, чтоб строить новую жисть... и вот он, Егор Иванович... он тоже вышел из бедноты, шел вместе с ней, да свернул в сторону...

Самое страшное случилось—оторвался от бедняцкой семьи..

Егор Иванович пошевелил губами: «оторвался».

Темный страх обуял, Егора Ивановича. Чем он, Егор Иванович искупить свою вину?

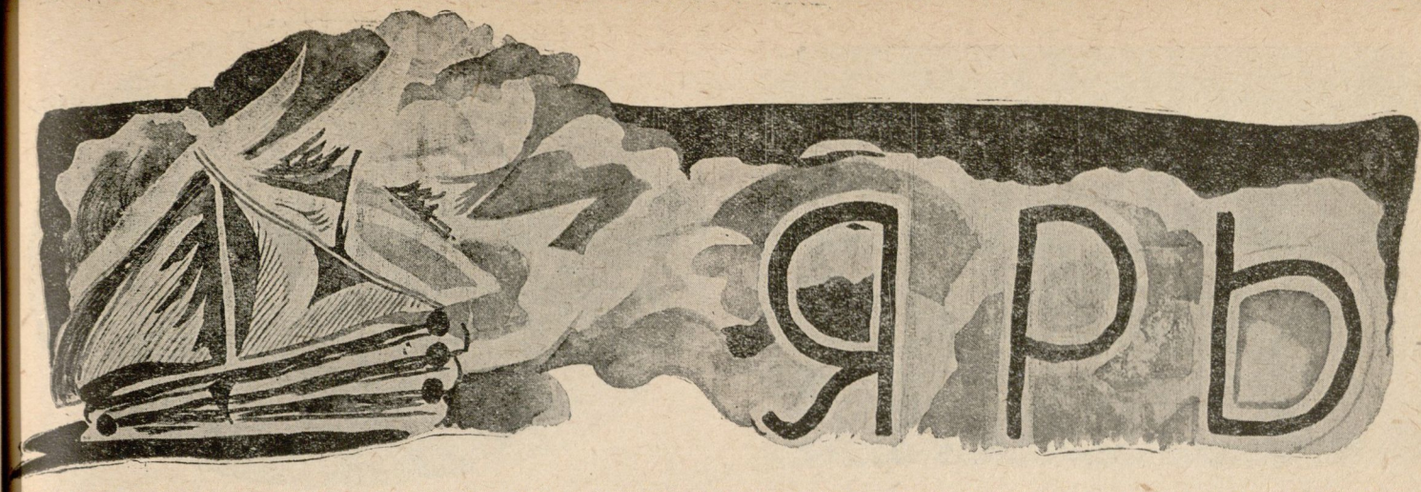
Перелезая через скамейку Егор Иванович задел ногой секретаря райкома.

— Куда же?—спросил секретарь.

— До ветру... Я.. сейчас.

Егор Иванович, чувствуя на себе взгляды мужиков и баб, прошел в дом.

Там он вынул из стола наган, приставил его к виску и спустил курок.

Повесть Н. Арсенова. *Рис. А. Лесного.*

(Окончание).

Сенька дома был редким гостьем. Только ночевать приходил, да и то не всегда. Но о нем никто не беспокоился. В семье Дмитрия было заведено так, что каждый уходил когда и куда хотел, не спрашиваясь. Чем дальше отсутствовал тот или другой член семьи, тем считалось лучше: не надо было кормить лишний рот. Сенька зачастую ночевал в стогах сена, на огородах, в пригороде, особенно перед базарными днями. В базарные дни у него была самая горячая работа. Он шлялся по базару с утра до вечера и не брезговал ничем, чтобы заработать копейку. Мясникам помогал резать мясо, в овощных лавках отбирал картофель, перетирал фрукты... Торговал и сам с лотка ирисками. К концу дня он был сыт и в кармане брякало еще несколько медяков. Однажды, уже после молотьбы, Минька как-то сообщил Дмитрию:

— Наш-от ерой к Новоселову зачастил что-то.

— А вот я этому ерою сопли-то утру,—грозно заявил Дмитрий, но, конечно, не привел свою угрозу в исполнение. А дня через два об'яснилась и причина Сенькиных экскурсий к Новоселову. Новоселов взял Сеньку к себе в лавку в мальчики. Дмитрий в отсутствии Сеньки долго ругал его, грозил выдрать и в сердцах надавал шлепков ни в чем неповинным младшим ребятам Тишке и Михею. А когда уже затемно пришел Сенька, Дмитрий даже не слез с печи, на которой лежал. И вместо того, чтобы поругать его, ласково спросил: —Чтой-то ты так поздно, Сеня, или в городе замешкался?

Сенька буркнул что-то себе под нос и, достав из кармана замызганную, в клетчатом переплете книжонку, усевшись за стол, огрызком карандаша начал выводить в ней свои записи.—Сень, а, Сень,—позвал его снова Дмитрий,—а мы что кумекаем: в коммунию перехать, ты как?.. Сенька взглянул на него и снова уткнулся в книжку. Дмитрию было досадно и обидно, что Сенька возжается с Новоселовым. Ведь на деревне все будут думать, что он Дмитрий, опять сошелся с Новоселовым и что сам отдал ему в услужение Сеньку.

— Буржуаз проклятый,—ругал его Дмитрий,—вот возьму да и запишусь в коммунию... А нук это тебе по носу шибанет... Плевал я тогда на тебя... И окончательно решил записаться.

Коммунары уже совсем убрались к зиме: кончили с молотьбой и работами по хозяйству на дворе. Бабы, постукивая чеботами, мяли коноплю. Одни из мужиков очищали амбары, другие насыпали зерно в мешки и грузили на телеги или управлялись со скотиной. Дмитрий, когда проходил через двор, насчитал до тридцати отпряженных лошадей.

— Неужто это все анучинские?—с гордостью подумал он, словно и сам уже был их хозяином.

Контора коммуны находилась в красном уголке, который помещался во втором этаже двух'этажного флигеля. (Внизу была школа). Ометков сидел за столом и щелкал на счетах. За его спиной в углу стояло красное знамя коммуны. Ометков не удивился, увидев Дмитрия, потому что Дмитрий за последнее время часто заходил в коммуну, не удивился он и исписанному каракулями клочку бумаги—заявлению.

— Правильно!—протянул он, делая ударение на р,—рассмотрим, правильно зайди через неделю. А какое имущество у тебя имеется, хозяйство какое—проставлено тут? И, вспомнив что-то, поспешно подхватил подмышку папку с документами и, прихрамывая, запрыгал через зал к выходу. Но от двери оглянулся еще раз и бросил:

— Ну, что ж, присматривайся вот, да и того...

В это время, чуть не стукнувшись с ним, в зал ворвался Орлюков—румяный с пушистой рыжей бородкой.

Ометков сказал ему, кивая на Дмитрия:

— Эвот новый член к нам, покаж ему как что...

Будто сразу Дмитрий другим человеком стал, будто помолодел сразу на двадцать лет. И казалось Дмитрию, что на ногах у него уже не лапти, а смазаные сапоги, как у Орлюкова, и армяк на нем, Дмитрие, не рваный, а совсем новый, только что с базара, и пахнет еще лавкой, коленкором... Самодовольно ухмыляясь себе в бороденку, пошел он рядом с Орлюковым. Подойдя к мужикам, работавшим у амбара, Орлюков сказал:

— Эвот коммунара нового привел, видались, нет?

— Как не знать,—протянул чей-то недовольный голос,—известная дыра ..

Но стоящий ближе к Дмитрию Жуков приветливо сказал:—Записался уж? Вот и ладно! Ужо Орлюков покажет тебе помещение... гляди какое, любо... Коммунар как есть теперь. Жуков кивнул на золотые россыпи зерна: Твое теперь все это,.. Тоже вот как я записывался, чудно с первоначалу было, а потом обык. Теперь, что мое, что Ивана Орлюкова,—для меня все едино дорого .. Орлюков у себя на ноге сапог порвет, а мне жалко...

И, смахнув со лба пот, Жуков снова принялся лопатой перегребать рассыпанное по брезенту зерно.

В коммуне было около двенадцати семей. Размещались они в двух'этажном доме и в избах, стоящих одним порядком—стена к стене в ряд и крытых под одну крышу. Орлюков привел Дмитрия в крайнюю избу. Изба была просторна, в три окна; крашеный охрой пол блестел. Стены и потолок, должно быть, недавно только были выбелены.

— Во как! Гляди!—с гордостью показывал Орлюков избу.—А тут, брат, куть—гляди ка.. а... Что твой царский-государский дворец... Полы-от! Ха-ха! Вот как, брат!.. Жил век-от в лаптях, да и не думал, поди-ка, что в экий дворец попадешь, а... Здесь койку поставь. Эва за печкой люльку повесь... А посуду у нас дома не держат... Кушать пожалуйте в столовую... А, промежду прочим можешь и дома кушать. Берешь что ли?

Дмитрий даже и языка лишился от радости. Он готов был хоть сейчас начать вселение в новую квартиру. Весть о том, что Дмитрий подал заявление в коммуну, тотчас же облетела всю деревню. С Дмитрием каждый заговаривал, расспрашивал, давал свой совет:

—Эй, ты, коммуния!—окликали его однодеревенцы:—А ты избу-то продай, на кой она хрен тебе...

Зажиточные подсмеивались, бедняки же, хотя и делали вид, что тоже подсмеиваются над Дмитрием, но в душе завидовали ему... А Дмитрий между тем действительно стал ликвидировать свои дела... Большую часть хлеба продал, купил кой кому из ребят и бабе обновы. Ликвидировал и мелкий, ненужный коммуне, домашний скарб...

— Кончилась теперь голодовка,—мысленно рассуждал Дмитрий,—в коммуне жратвы во!.. Курей можно и теперь заколоть, все равно коммуне достанутся.

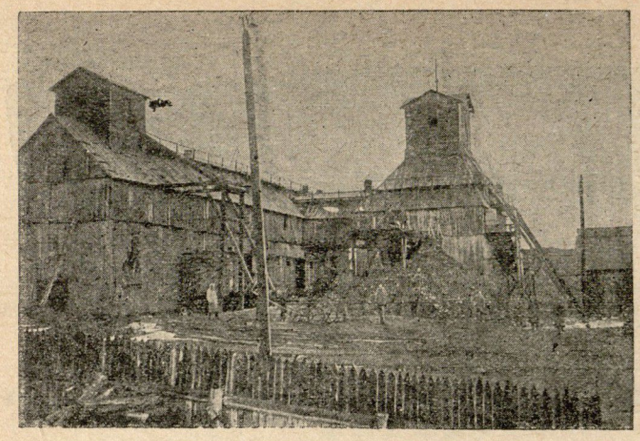
Целые дни в семье Дмитрия только и толковали о коммуне. Один Сенька попрежнему держался в сторонке ото всех и, как будто, стал еще замкнутее. Несколько раз Дмитрий пытался вызвать его на разговор о коммуне, но Сенька отмалчивался или отвечал односложными словами.

Мавра тоже собиралась... Она возилась с холстами и вела какие-то расчеты с бабами.

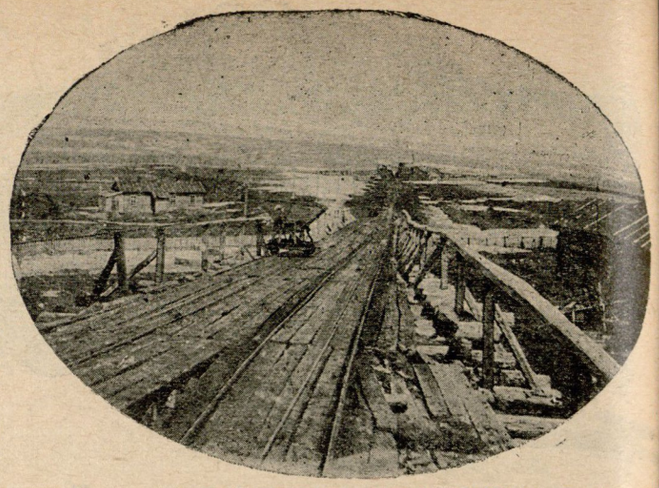
Наконец, кажется, все было уложено и увязано. Ванька даже телегу смазал. Решили переезжать в субботу. А в пятницу Дмитрий поехал в коммуну узнать окончательно, принят он или нет.

Правда, Ометков еще при подаче заявления говорил ему, что можно переезжать хоть сейчас, что утверждение пустая формальность, но все-таки лучше было покончить заранее со всеми формаль-

(Продолжен. см. через 2 страницы).

Шахта № 32 Победенского рудника, Скопинского района.

Механическая подача на шахте № 32.

Скопин

Вот он, Скопин, возвышается над полями, огородами, поймами реки Верды. Множество маститых каменных церквей.

Рядом с городом блестят главы бывшего Троицкого монастыря, а еще немного дальше на взгорье--кресты бывшего Дмитриевского монастыря.

По внешнему виду Скопин — город церковной старины. Дмитриевский монастырь, например, связан с именем Дмитрия Донского.

Очень характерны слова, крупно выведенные на фронтоне собора:

«Царю царствующих и господу господствующих».

И вот этих поклонников бывших «царствующих» в Скопине осталось не мало. Несмотря на то, что здесь есть, как вещает вывеска, «Безбожный университет», все же времена купеческие, дух многолетней торговли и хозяйского прасольского благополучия, довлевают и поныне. Какая-нибудь чуйка, засаленный картуз, синяя рубаха с грилером, сапоги со сборкой выдают или бывшего, или сегодняшнего хозяйчика. Наличие промыслов в Скопине, которые еще кооперативно неорганизованы, является мелко-собственническим бульоном.

Целование попам рук на улицах, ретивый колокольный звон, разлапистые, широкие церковные паперти, часовенки, узорчатые домики, приторно узорчатые аккуратненькие скамеечки около калиток, герань на окнах,— все это создает елейность, тихость, мещанственность.

В Скопине работают кустари-алмазники. Их около сотни. Работают горшечники. Целый ряд, несколько десятков, гончарных мастерских. Имеют наемный труд. Условия труда тяжелые. Хозяйчики крепкие. Перспективы для развития гончарного дела огромные. Есть большие мастера-художники среди горшечников. Имеются в слободе Скопина канатчики или веревочники. И опять кооперативно они не организованы. Вообще промысловая кооперация в Скопине отсутствует, хотя данные для ее развития имеются.

Есть одна кооперативная организация да и то, по-моему, неудачная Это так называемый союз огородников. Именно союз огородников, хотя теперь он по уставу и называется товариществом. По-моему, если как следует разобраться в этой организации, то в ней мало можно найти кооперативного в советском понимании этого слова. Всего в этом кооперативе 140 членов. Сделали они за год оборот в 1 миллион руб. На каждого члена чуть не 8000 руб. приходится. 80 проц. членов имеют наемную силу. Когда я спросил, почему мало и даже почти нет крестьян, то мне заявили:

—Какие же они члены будут, когда у них земли мало. В кооператив об'единились просто городские огородники, которые у города арендуют землю. Работу этого кооператива надо поставить на советские ноги. Так как теперь эксплоатация крестьянского труда и размеры аренды ограничены, то городские огородники (там имеются целые династии огородников, например, бесчисленные Гудины) сократили свою деятельность. Между прочим, среди огородных культур большие места занимает капуста, огурцы и лук. Лук занимает особое положение. Скопинский лук по своим качествам, по вкусовым свойствам ничем не отличается от нашего. Но скопинцы иначе «воспитывают» лук, они дают хороший материал лука, лук-севок, который идет для посадки не только в другие округа, но и за границу. Скопинцы научились сохранять лук-севок в особых приспособлениях—овинах. Лук-севок экспортный стоит 42 коп. кило.

В настоящее время приступают к постройке огромного сушильного завода, который будет стоить 250000 руб.. На заводе будет производиться сушка плодо-овощей и засолка и квашение капусты и огурцов. Одной капусты будет заквашено в дошниках до 12000 тонн. Вот куда надо нашему цеработу направить свое внимание. Между прочим завод будет построен на месте церкви Богоявления, которую разбирают. Вообще Скопин с полным правом может считать себя центром огородничества.

Большое место занимает среди других промыслов кружевной, Кружевницы имеются как в городе, так и в ближайших деревнях. Едешь по деревне, смотришь—у избы сидит над подушкой крестьянка и быстро перебирает коклюшки. Кружевницы не организованы. Есть, правда, кое-где попытки их организовать, имеется школа кружевного искусства в районе, которая недавно праздновала свой 35-летний юбилей. Но все это крайне недостаточно.

Скопин среди других городов Тульского округа будет стоять рядом с Ефремовым. Он не больше и не лучше Ефремова.

Сельское хозяйство Скопинского района отсталое Обрабатывают свои поля сохами около 50 проц. хозяйств. Безлошадных—54 проц , бескоровных—32 проц. Почти половина взрослого мужского населения уходит на заработки и занимается всякими промыслами. Скопинские крестьяне работают на торфяниках и угольных шахтах. Среди промыслов есть и такие, как торговля красками (для окраски хомутов). Уходят в Орловский, Елецкий округа, где и торгуют. Занимаются водовозным и ломовым промыслом.

В культурном отношении скопинская деревня заметно движется вперед. Примерно, на 8 дворов приходится одна деревня. Села в Скопинском районе огромные, там нет почти выселков и хуторов. Есть села с населением в 5-6 тысяч человек (Горлово, Милославщина, Павелец). Несмотря на близость культурных центров, как Москва, Рязань и Тула, все же в деревне патриархальные обычаи и привычки еще сохраняются. В частности, крестьяне до сих пор носят характерную одежду, которую носили 100—200 лет тому назад. Это—панева: юбка клетками, шушки (для девушек), шушпан—накидка из белого или черного холста. Можно всюду встретить на голове кички—головной убор с рогами. Ходят в большинстве в лаптях,

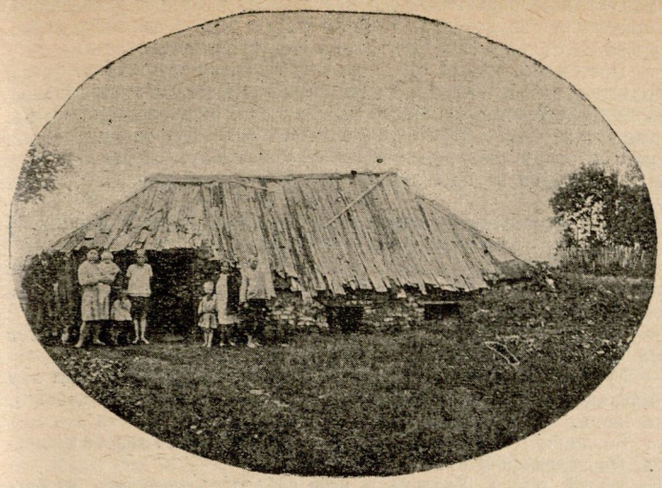
Скопин нуждается в большой помощи. Пролетарская Тула сумеет помочь Скопину. Освоить, отулячить Скопин надо не только организационными и агитпроповскими методами, но и хозяйственным путем.

Н. Добротвор.

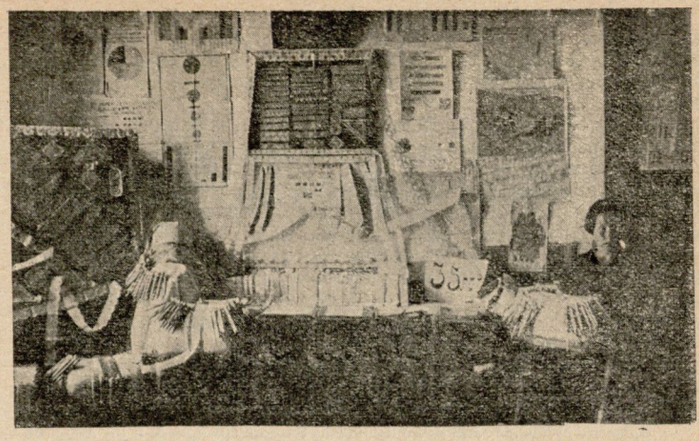

Гор. Скопин, Советская ул. × Дом, где был открыт „прославленный" 1-й Купеческий банк!

Скопинский район, при районировании Московской промышленной области входит в Тульский округ.

Окраина Скопина. Здесь будет построен фруктово-овощной сушильный завод.

Уголок кружевной школы в Скопине, существующей 35 лет.

СТАРИННЫЙ СКОПИН.

СКОПИН, как и всякий древний город, имеет свой легендарный период и затем период исторический, начало которого тоже трудно порой отличить от сказки.

По одной версии название города произошло от слова скоп (разбойников). Стоял некогда на месте городка дремучий лес, в котором обитало скопище грозных разбойников, наводивших ужас и трепет на проезжих купцов с драгоценными товарами и княжеских холуев разного чина и звания.

Еще при царе Петре Первом около Скопина росли стройные корабельные леса, почему и был Скопинский уезд включен в состав Азовской губернии. Город поставлял мачтовый лес для строившегося на Азовском море царского флота.

Долго после этого нет о Скопине никаких особо интересных сведений. Скопин мирно ткал свои чудесные кружева, крутил пеньковые веревки, плел лапти и занимался огородничеством, вывозя лук и чеснок за границу.

Мирное житие продолжалось до 1857 года. Год этот принес Скопину «великие» события, прославив его на всю Россию. Скандальная была эта слава. Скопинский скандал отразил в миниатюре всю царскую Россию с ее продажным чиновничеством, алчным духовенством и разнузданным купечеством. Это не был отдельный гнойник на здоровом теле, это была только одна из наиболее крупных язв на прогнившем изнутри организме умиравшего режима.

Так вот, в 1857 году скопинцы решили иметь свой собственный банк. Внесли наличными деньгами 10.103 рубля 86 копеек и поставили во главе банка купца Рыкова. У Рыкова были грандиозные планы. Он решил во что бы то ни стало создать такой банк, который бы прогремел на всю Россию. И добился своего. По всей империи были пущены кричащие рекламы, в которых вкладчикам предлагались бешеные проценты. Вскоре вклады действительно посыпались дождем. Большинство вкладчиков составляли средние купцы, помещики, служилые люди и духовенство. Капитал банка рос головокружительно и скоро дошел 11.618.079 рублей.

Тут-то Рыков с кучкой своих приспешников и развернул свои истинные таланты. Теплая компания начала черпать деньги из банка полными пригоршнями. Компаньоны начали строить себе прекрасные дома и, для замаливания прегрешений,—здоровенные церкви.

Весело зажил Иван Гаврилович Рыков в своем роскошно отделанном доме (сейчас в нем помещается уком ВКП (б)). «Ел раки бордалез, пил настоящее бургундское, ездил в каретах», отзываются о нем современники.

Всех, кого было нужно, купил всемогущий Иван Гаврилович. Купил всех служилых людей, начиная от почтмейстера и кончая самим рязанским губернатором.

Дошло дело до того, что по требованию скопинского самодержца неугодные ему люди высылались из города.

Почтмейстер получал от Рыкова 50 рублей в месяц «жалования» только за то, что тот задерживал газеты с невыгодными для банка заметками. Однако слухи о том, что с банком не все благополучно, становились все настойчивее. Нагрянула ревизия и вместо 11 миллионов нашла наличными лишь 4 тысячи рублей. Банк с оглушительным треском лопнул. Разразился колоссальнейший скандал. Со всех концов России в Скопин ринулись обезумевшие вкладчики и быстро переполнили город. Хорошо тогда заработали скопинские обыватели, сдирая с «гостей» бешеные деньги за ночлег. И все-таки многим пришлось ночевать на улице. Среди приехавших особенно много было отцов духовных. Когда обнаружилось, что банк окончательно и бесповоротно лопнул, несколько дней над городом стоял стон и скрежет зубовный.

Скандал закончился грандиозным судебным процессом с двадцатью подсудимыми, во главе с Рыковым. Рыков и его приспешники были сосланы в Сибирь.

На процессе этом присутствовал Антон Павлович Чехов, написавший ряд блестящих фельетонов под общим заголовком «Дело Скопинского банка».

Чеховские рассказы «Беда» и «Из недавнего прошлого» тоже написаны на основании материалов об этом деле.

Город на этом деле только выиграл, получив целые улицы хороших каменных домов и прекрасное здание реального училища (теперь школа второй ступени).

Церкви тоже скоро пойдут в дело. Постановления о закрытии некоторых из них уже есть.

Даже и в этом мещанском болоте однако шла кропотливая подпольная работа. На почетном месте в местном музее стоит, например, карточка врача Елпатьевского, руководившего местными революционными кружками. У Елпатьевского находила в свое время приют Вера Николаевна Фигнер.

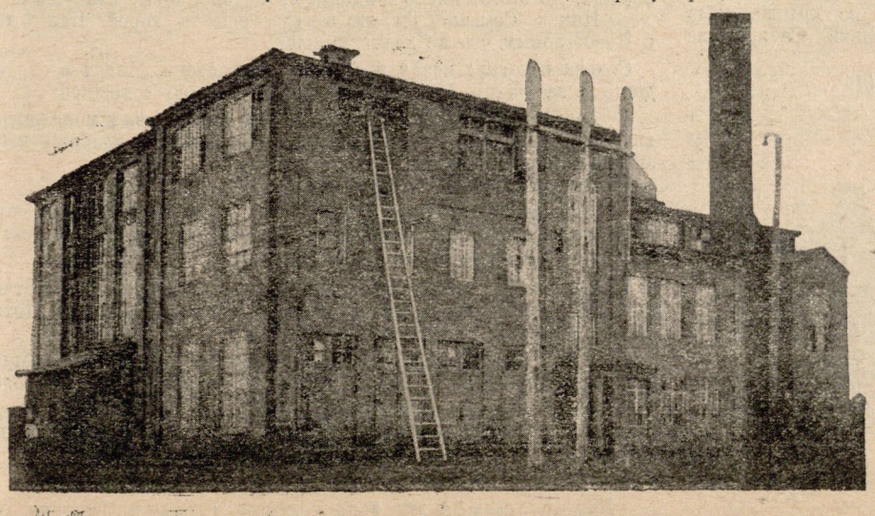
Пришла великая революция, пришли новые люди, подросло новое поколение, начавшее разрешать совсем другие задачи, итти к другим целями.

Память о старом Скопине быстро умирает. Поинтересуйтесь сейчас, в каком доме помещался скопинский банк и старые скопинцы уже разойдутся в своих показаниях. Еще есть там несколько стариков—бывших купцов и чиновников, которые безошибочно укажут вам обветшавший двухэтажный каменный домик с решетками в нижнем этаже.

Но и этих стариков уже совсем мало. Они прячутся в тиши пропахших лампадным маслом комнаток и тихо вздыхают под сводами опустевших, вылинявших церквей, в стены которых скоро властно войдут новые хозяева.

Умирает старый Скопин вместе со своими богами. Новый, советский Скопин возрождается.

В. Питерский.

Электростанция Скопина. Станция электрифицирует Победенский рудник.

ностями. В колке, недалеко от коммуны, Дмитрий встретил Орлюкова и крикнул ему, придержав лошадь:

— Эй, товарищ! Здорово живете!—И ожидал, что Орлюков весело откликнется, пошутит и может быть скажет: «О приеме узнать едешь? Вертай назад за ребятами... Принят!» Но Орлюков в ответ на Дмитриево приветствие нехотя снял шапку и, отвернувшись, торопливо зачмокал, погоняя свою лошадь. У Дмитрия и сердце упало: «Дело кончено, нечего и ехать» — подумал он. Но потом, рассудив, решил:

— Почто так? А, может, и ничего еще... Может Орлюков-от так это... Торопился куда нето.

С неспокойным сердцем под'езжал Дмитрий к коммуне. На дворе были одни ребятишки. Дмитрий привязал лошадь и пошел в контору. Ометков сидел за столом, уткнувшись в конторскую книгу. Дмитрий несмело остановился у порога, теребя в руках шапку... Хотел было сказать: «Здраствуйте, товарищ Ометков»,— да не посмел, а только кашлянул. Ометков же и бровью не повел...

Дмитрий окончательно решил, что все пропало и что его не приняли... И что нечего ему здесь и стоять, что лучше всего повернуться да и уйти... Но вместо этого Дмитрий кашлянул еще громче... Ометков равнодушно исподлобья взглянул на него.

— Здравствуйте...—несмело проговорил Дмитрий,—А я на лесосек ездил,—неожиданно для самого себя соврал он;—дай думаю к вам заеду... Хоша погреться...

— Грейся,—равнодушно отозвался Ометков и перевернул страницу. Дмитрий помолчал.

— Ну, как?.. Убрались, поди, с хлебом-то?

— Убрались..

И Ометков, взяв счеты, защелкал костяшками. Дмитрий глубоко вздохнул и одел шапку.

— Прощайте тогда,— разочарованным голосом сказал он, словно чем-то был глубоко обижен.

— Прощай, брат, прощай!—откликнулся, не поднимая головы, Ометков.

Дмитрий взялся за скобу и тут только вдруг спросил:

— Приняли меня в коммуну, нет ли?

— Не приняли,—глядя куда-то поверх его головы, сухо ответил Ометков:— сын у Новоселова торгует... Да и сам ты того... неподходящий...

— Вот как,—как эхо отозвался Дмитрий и снова зачем-то снял с головы шапчонку, и тут же торопливо торкнулся в дверь и так без шапки вышел на улицу.

Стояла сырая поздняя осень. Лошадь шла шагом. Дмитрий, бросив возжи, сидел безучастный ко всему, глядя на свои обутки. В шумящей мокрыми вершинами дубраве лошадь остановилась... Колеблясь, порхая, как бабочка, тихо пролетел желтый лист. Пеган свернул с колеи и стал щипать траву... Дмитрию не хотелось ехать домой... Какими глазами он посмотрит на домашних, что скажет своим деревенским... Вот тебе и коммуния! Теперь вся деревня узнает и подымет его на смех... Теперь, выходит, совсем он не при чем...

Перед вечером Дмитриева Пегана видели на краю деревни, привернутого к избе шинкарки Беспалихи. Дмитрий пил большими стаканами самогон и закусывал вареной картошкой с солью... Изба была тесная и грязная. У шестка стояла большая кадка с заквaской. А на огороде в бане дымил каштак. Парень-подросток—Беспалихин сын—сидел на каштаке и время от времени приносил Дмитрию еще теплый самогон—прямо из-под желоба. Потом все помутнело. Как в тумане, помнилась еще Дмитрию низкая дверь в баню... черные стены бани... и ярко красный на темном фоне огонек под аппаратом.

Домой Дмитрий попал поздно ночью. Он лежал на телеге без шапки, весь перемаранный в грязи.

Деревня готовилась к перевыборам советов. Ухалов ходил по избам бедняков и толковал, раз'ясняя, что и как. Зашел и к Дмитрию. Маленькие оконца Дмитриевой избы были полузанесены снегом. В избе стоял вечный полумрак. Вьюга, гуляя по крыше, выла в трубе. Семья была вся в сборе, кроме Сеньки. Сенька еще с осени переселился совсем к Новоселову.

— В купцы выходит,—говорили про него мужики.

Эй, товарищ, здорово живете!...

Ухалов, поздоровавшись, сел недалеко от железной, раскаленной до красна печки. Говорили сначала о пустяках, о снегах, о сене... о дровах... Наконец Ухалов, как бы между прочим, сказал:

— Постой, вот новый председатель будет, он те отпустит дров... Попадется такой, как Епифанов (Епифанов, ставленник кулаков, был председателем сельсовета до Ухалова), начнет тогда мутить, держись наш брат... Помнишь, как он с покосами-то умудрился... У кого скотины мало, тот, говорит, и без лугов обойтись может. Самую-то что ни на есть лучшую траву кулакам отдал, а нам хрен достался.

Дмитрий присел на корточки перед открытой печкой и, закурив от уголька, проговорил злобно:

— Подавятся, небось!.. Ты думаешь Епифанова кто выставлял... Новоселов—буржуаз. Сидит, как паук—не видать и не слыхать, а сам всеми делами ворочает.

— Сам же за Епифанова голосовал. Помнишь, нет? И против меня кричал надысь.

— Дурак был, потому и кричал... Кровопивец такой... Сидит там за прилавком то, и да и командует... Продаст, паскуда, на копейку, а наговорит на гривенник...

— Ты, парень, видно ученый,—и хитрые глазки Ухалова засмеялись. Он поднялся и стал прощаться.

На другой день у Ухалова в избе собрались крестьяне из бедноты. Наметели проводить председателем сельсовета Ухалова. Чтобы вернее было, Дмитрий подбил более разбитных мужиков пойти походить по избам.

— Ты меня доезжал, а теперь я тебя доеду,— говорил Дмитрий про себя по адресу Новоселова. И радовался, когда чувствовал, что сторонников Ухалова прибывает...

На перевыборном собрании, когда стали намечать кандидатов, в члены сельсовета, кто-то выкрикнул фамилию Дмитрия. Собрание происходило в школе. Хотя Новоселов, как лишенный права голоса, и не присутствовал на собрании, но во всех выступлениях зажиточной группы сказывалась Новоселовская политика. Кандидатуру Дмитрия зажиточные подняли на-смех. Но при голсовании все же большинством голосов Дмитрий прошел в члены сельсовета. На выборах победила беднота. Дмитрий сразу будто вырос на целую голову... Когда на другой день Дмитрий пришел в сельсовет, Пантелей распахнул перед ним дверь и поклонился. Обычно же Пантелей, хотя и был всего на всего сельсоветским сторожем, вел себя по отношению ко всем, как старший, и вроде даже, как бы начальство. Когда Ухалова в сельсовете не было, Пантелей усаживался на его место за шаткий стол, покрытый вылинявшей, когда то красной, теперь бурой тряпкой, и принимал приходящих по делам... Одним советовал обратиться к самому Ухалову, а менее важные дела разрешал самолично. Особенно любил он разбирать повздоривших у колодца баб.

— Смотри, Фекла!—постукивал он казанком по столу,—не в первой уж это, не миновать тебе холодной...

И вдруг этот самый Пантелей открывает перед Дмитрием дверь и первый кланяется ему. Дмитрию даже неловко стало. В сельсовете никого не было. Пантелей присел на скамье у двери, по-стариковски покряхтывая, и сказал:

— Садись за стол, чего стоишь, заместо председателя, значит, будешь, поди-ка выборный теперича.

Оказывали Дмитрию почет и другие крестьяне. На одном из первых же заседаний нового сельсовета в текущих делах разбиралось заявление Дмитрия о его желании вступить в коммуну и об отказе анучинцев. Сельсовет постановил просить коммуну пересмотреть дело о приеме Дмитрия и рекомендовать его в члены коммуны, как активиста-общественника. Дмитрий передал это постановление со своим заявлением в коммуну и стал ждать.

Как-то однажды, вернувшись из сельсовета, Дмитрий застал дома Сеньку. Он сидел за стотом в переднем углу и плакал. Дмитрий опешил: До этого никто никогда не видел Сеньку плачущим.

— Никак Сенька? Ты это откуда, ешь тя горой? Или у тебя с Новоселовым что не ладно вышло?..

Сенька шмыгнул носом и отвернулся к стене. Мавра в сердцах дернула за вихор Михея, возившегося на полу с кошкой:

— Деньги отобрал Новоселов-от.. Ты, говорит, их у меня наворовал! Да и деньги-то какие! Господи... Брось кошку, холера!—и она звонко шлепнула Михея.

Михей пронзительно закричал.

— Сколько он взял-то у тебя?—как стон вырвалось из груди Дмитрия, словно не у Сеньки, а у него,-Дмитрия, украли эти деньги.

— Десять рублей,—всхлипнул Сенька.

Дмитрий, пораженный, бессильно опустился на скамью и в отчаянии, глядя перед собой, сидел так некоторое время, молча. Потом, сорвав шапчонку, ударил ею об пол:

— Десять рублей! А! За что!? Вот он Носвселов-то... доехал когда... вот когда! Меня, как липку ободрал и мальчонку!.. Де-сять ру-блей!

— Целый год копил,—продолжал хлюпать Сенька,—жеребенка... жеребенка буланого купить... у Андроновых... купить хотел...

— Подожды!.. Идем в совет!.. Я его произведу, разбойника...

Кажется, если бы эти деньги отняли у самого Дмитрия, ему бы их не было так жалко. Кто его знает, отрекаясь от Сеньки

в последнее время, ругая его и проклиная, не продолжал ли он в глубине души любить его, сам не сознаваясь перед собой в этом; не продолжал ли он в душе гордиться Сенькой—этим сметливым и на редкость серьезным малышом?

Сельисполнитель Курдюков сидел в совете.

К нему за отсутствием Ухалова и обратился Дмигрий с жалобой. Долго Дмитрий кричал и ругался, припоминая все обиды, какие нанес ему Новоселов. Курдюков, жалостно причмокивая, внимательно слушал его. И наконец, когда Дмитрий кончил, сказал своим ровным бесцветным голосом:

— Дело плохое... Новоселов теперь деньги не отдаст.

— Что же делать-то, товарищ Курдюков... меня, как липку, обобрал—в одних портках пустил, как есть, после покоса. И сына решил... Как липку, обобрал .. Убил он меня, живым в землю зарыл!

— Однако, пойдем сходим, когда так,—решил, наконец, Курдюков.

Новоселова они застали в лавке. Исподлобья по-рачьи поглядев на них, он сразу же зачастил, борясь с одышкой.

— Обокрал меня, Якуня Ваня, Сенька-то его. Составьте протокол, товарищ Курдюков, я так не оставлю, направлю дело в суд... Я взыщу с него...

Дмитрий, услыхав слово суд, сразу сробел.

— А, ну его к лешему,—подумал он,—и с деньгами, засудит опять еще... Вот живоглот... И опять он прав...

Сердце Дмитрия сжалось от обиды в комок и подперло к горлу.

«Куда деться-то... Вот они что с нашим братом делают, как вертят...»

После такого оборота дела и у Курдюкова не повернулся язык потребовать у Новоселова Сенькины десять рублей, и он вяло промямлил:

— Относительно кражи подайте заявление.

Как пришибленный, вернулся Дмитрий домой. Действительно, от Новоселова все можно ожидать.

Ни у Дмитрия, ни у Сеньки нет никаких свидетелей, могущих показать в их пользу... А Новоселов опять выставит целых десять человек... Дмитрия приговорят, и прощай опять коммуна.

— Скорей переезжать надо, да и делу конец.

И казалось Дмитрию, что стоит ему только переехать в коммуну, как все прошлое исчезнет и настанет совсем новая жизнь... Со всем прошлым, с голодом, холодом, Новоселовыми этими—со всем будет покончено навсегда... Новоселов, ведь, не посмеет и пикнуть против него—коммунара...

Между тем, коммуна, пересмотрев заявление Дмитрия, постановила принять его в члены. Дмитрий, узнав об этом, вместе с Маврой отправился в коммуну. Ометкова он застал в красном уголке. Тот, увидев Дмитрия, поднялся ему навстречу.

— Ага! Дмитрий! Пойдем, брат, покажу тебе твою избу... Гляди да и переезжай. Мы сено возить начали, кстати вот... лишний с лошадью и пригодится...

Значит, Дмитрий не только не лишний здесь, но с самых первых дней будет нужный коммуне человек... И от него коммуна сразу же будет получать выгоду. И у Дмитрия зазудились руки и плечи, так бы сейчас же и принялся за работу.

На этот раз избу Дмитрию показывал сам Ометков. Пока Дмитрий с Маврой прикидывали где что поставить и положить, Ометков вышел на двор и, подойдя к Пегашке, ткнул его кулаком в живот. Пегашка дернул головой и рванулся в сторону.

— Ядрена скотина! ни что!—похвалил лошадь Ометков.

Подошли к Дмитриевой телеге и другие коммунары и все стали осматривать телегу и лошадь, словно собираясь купить их. Ометков, взяв за заднее колесо, шатнул телегу.

— На, поди! На железном ходу арба-то.

Жуков, тпрукая, тянул Пегашку за узду и смотрел ей в зубы:

— Не старая лошадка-то, оправится у нас.

На другой день к Дмитрию приехал Ометков и еще два коммунара принимать избу и сарай...

— Никуда не гоже. Только на дрова разве...

— Смотри, окны-то забей, как следует быть,—уезжая, наставлял Ометков Дмитрия.

Окончательно собрался Дмитрий переезжать в коммуну дня через три.

Мавра с Михеем ехали на возу со скарбом. Остальные шли пешком. Впереди всех шагал Сенька. После истории с Новоселовым он больше сидел дома, старательно помогая по хозяйству матери. С'ездил как-то с Ванькой в лес за дровами. Привез большой воз, половину дров скинул во дворе, а остальные долго укладывал. Так что из 20—30 полен у него вышел с виду воз больше прежнего. Отвез его в город на базар, продал там за пять рублей и деньги передал матери. В коммуну он шел с охотой. Видно, и ему надоела полуголодная бродячая жизнь.

...Пил большими стаканами самогон...

Прошла зима, сугробы осели, избы коммуны, как желтые подснежники, повыставили свои тесовые крыши из-под снега. Широко улыбались на солнце весенние снеговые лужи. Далеко разносилось, разбивая хрустально-прозрачные дали, ржание лошадей. Коммунары чинили плуги. Крататукал трактор, пуская в весеннюю синь струйку дыма. Молодняк-подростки возились с лошадьми, поили их у колодцев, чистили конюшни. Коммуна, просыпаясь от зимнего сна, копошилась, как муравейник.

На дорогу, по направлению к деревне Мокрый Дол, выехало несколько подвод. На одной из них сидел Дмитрий. Лицо его стало круглее и бородней и бородка будто пошла гуще и шире. Ехали в союз за семенами. Оправившийся и поздоровевший за зиму Пегашка бежал бойко и весело. Когда подводы одна за другой влетели в улицу деревни, встретившийся им на углу мужик снял шапку и, почесывая затылок, долго смотрел им в след.

— Из коммунии должно... вишь резвые какие,—пробормотал он и вздохнул.

Дмитрий мельком, увидев этого щуплого, сухого в рваном полушубке и лаптях мужика, вспомнил себя, каким он был год тому назад, как пресмыкался тогда перед Новоселовым... И как на яву сейчас представился ему этот Новоселов—лысый, с очками на носу, в засаленной на толстом животе рубахе...

— У-у, буржуаз, проклятый!—проворчал Дмитрий и хлестнул вожжей ни в чем неповинного Пегашку...

А вот мелькнула и торчащая из-под снега полуразрушенная труба и печь,—все, что осталось от избы Дмитрия. Запыленными подслеповатыми окнами глянула лавка Новоселова. Дом был старый, осевший, как сам Новоселов, и железная крыша его блестела на солнце, как лысина. Сани Дмитрия раскатились и отводиной ударили об угол Новоселовской лавки. Но Дмитрий даже не оглянулся.

Сенька вырос за зиму и удивлял всю коммуну своей сметливостью. Бумажку ли какую написать, подсчитать ли что—сейчас звали Сеньку. Сенька, не спеша, как большой, брал счеты и бойко начинал выстукивать костяшками. Ометков обыкновенно сидел против и диктовал:

— 1571 кило... Положил? Так... что теперь получилось-от?

Сенька, швыркал носом и, записывая полученную цифру, отвечал

— 3852 кило получилось.

— Тэ-эк,—тянул Ометков и диктовал новую цифру.

А вокруг стояли коммунары мужики и дивились, как быстро мелькали на счетах костяшки, как башковито подсчитывал Сенька и затейливо выводил на бумаге мудреные слова.

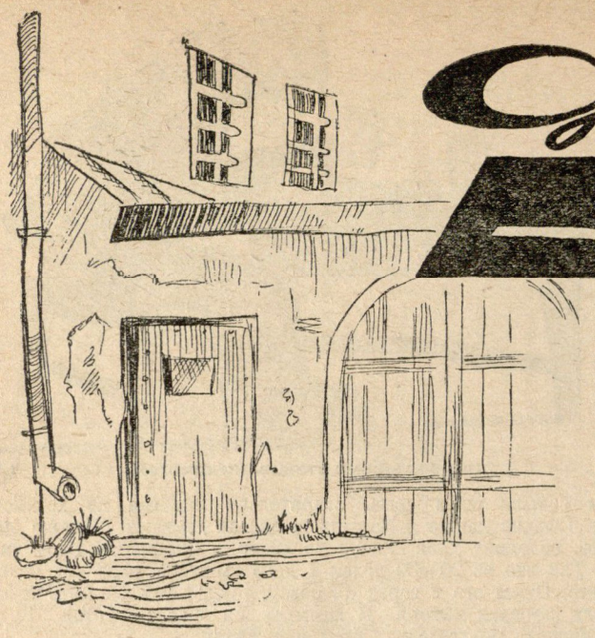
БУДЬ ГОТОВ!

Я помню эти годы,
Я помню
Эти дни.
Кровавые походы,
Пожарные огни.
Под раскаленным градом
Мы гибли
На полях.
Мы шли
На баррикады
С винтовкою в руках.
Стоять на карауле.
Нам было не легко
В нас вражеские пули
Вонзались глубоко.

Но время пролетело,
Обветрились года,
И выпрямилось тело
Республики труда.
Работать
И трудиться
Мы рады от души.
Но красная граница
Тревожит Чан Кай-ши.
И вновь грозой подуло...
Встает за валом вал.
На нас
Направил дуло
Китайский генерал.
Тревожное известье

Примчали провода.
Друзья!
Сплотимся вместе,
Как в прежние года!
Да!
Нашу пятилетку
Штыками не сорвать.
Друзья!
Учитесь метко
Работать и стрелять.
Рабочие
И кули,
Крещенные в огне,
Стоят на карауле
На нашей стороне.

Борис Ковынев.

Дурак баба

Рассказ М. Криницкого. *Рис. Жарова.*

КОГДА Куркова, рабочего из совхоза «Пальна Гуляевская», и его жену Марью вызвали на суд по жалобе Марьи на мужа, она, сильно бодрясь и глядя прямо в глаза судье, твердо сказаза:

— Он мне зуб выбил. Синяки я ему прощаю: они пройдут, а зуб у меня спереди.

— Да я тебе вставлю,—сказал, расщедрившись на суде, Курков:—Будет лучше прежнего, что об этом толковать.

На скамьях для публики засмеялись. Марья заплакала.

— Еще смеесси... Нет, пущай, гражданин судья, отсидит.

— Вот дура: да я из-за этого могу должности лишиться, тогда что? Что с ребятами-то лопать будешь? А у нас их, гражданин судья, трое. И с квартиры, из дома общежития, в совхозе попросят. Мне, гражданин судья, никак невозможно садиться, вы это заметьте, а баба, известно, дура, взяла ее амбиция, да наплевать.

Судья остановил его:

— Плевать вам, гражданин Курков, особенно на суде, не приходится. Извольте держать себя приличнее. Разумеется, ваша жена в праве вас простить, если вы ее как следует попросите...

— Ну, прошу,—обернулся Курков к жене, напустив на себя покорность,—и в отделку,.. чего народ задерживать?

Марья ответила решительно:

— За зуб не могу. Желаю, чтобы отсидел, сколько положено за женин зуб. По закону.

— Вот велика корысть,— удивился Курков, глядя точно в первый раз на рот жены, в котором вместо одного зуба, действительно, зияла дырка. Ему внезапно стало жаль жены. Ведь, собственно, он и избил-то ее под пьяную руку, а не со зла. Жена она была хорошая, и он никак не ожидал от нее такого упрямства.

— Ну, и ладно,—сказал он, окончательно подобрев:—Прости и айда по домам, а то вот и суд задерживаешь. Уж вы извините, граждане...

Но Марья, не поддаваясь на мужнину ласку, только сжав губы, отрицательно помотала головой. И тут Куркова схватило разом зло.

— Ладно же, коли так.

Он еще не знал, что предпримет, но понимал, что после такого поступка жены их совместной жизни пришел конец.

«И кто это научил ее?—подумал он:—Я дознаюсь. Разве только не завела ли себе на стороне какого? То-то не нравится, что теперь без зуба».

Когда судья прочитал приговор: на три месяца исправдома, и они возвращались домой на пустом полке, на котором Курков кстати отвозил в город клубничную рассаду, он злорадно сказал:

— В таком разе очень хорошо. А действительно ловко я тебя разукрасил: теперь,как старуха.

Всю дорогу он мучил лошадь, немилосердно дергая вожжи и угрожал жене:

— Теперь брошу... шабаш... Еще как с ребятишками без хлеба насидишься... тогда вспомнишь... хм.. зуб... Воевать со мной задумала? Теперь одно дело—развод. Мужику это теперь очень просто: наплевал и пошел...х-х...

На полдороге, у леса, он так дернул лошадь, что та захрапела. Полок остановился.

— Да ты что? Вставной зуб, что ли, проглотить боишься? Нонче так тебе вставят-то: лучше настоящего будет. Да что зуб? Ах, ты... история, прямо...

Он живо вообразил себе постигшую его перемену жизни и задохнулся.

— Слышь, Марья. Поворачивай в суд назад, покель не поздно. А то, гляди, завтра сяду под замок, в ногах будешь валяться— не прощу. Что это, в сам деле, за безобразия?

Все, что происходило с ним, как-будто не было похоже на правду. Из-за собственной жены, из-за бабы садиться в тюрьму? Марья только локтем двинула: отстань, значит. И отвернулась.

— Не простишь?—прохрипел он, чувствуя, как все вокруг него и в нем самом рвется и переворачивается вверх дном:—Не простишь, сука коровья?

— Сказала: нет—и нет.

Тогда в нем поднялась последняя ярость. Убить ее, взять и прихлопнуть за такие дела, и очень просто. И уже, не помня себя, он поднял для удара руку. На него смотрело непонятно-упрямое лицо, которое говорило:

«Ладно, убей, а не прощу».

Губы плотно сжаты, а в глазах гордость. К губам сошлись морщинки: раньше их не замечал. Худые пальцы рук и выпяченный живот. Под глазами, точно смотрящими насквозь, синяя тень. Слабый голос сказал:

— Чаво ж ты? Бей. Спугалси?

Да неужто это Марья? Его отшатнуло в страхе. Чужая, совсем непрежняя. Он таращил глаза.

— Ну, а коли отдумал бить, тогда трогай лошадь. Мне сегодни николи с тобой: еще постирать надоть, а то как же без белья-то сядешь?

— Стирать на меня станешь, сволочь?

— А как же не постирать? Чай, не бессемейный. Ну, трогай, что ль.

И Марья толкнула его в спину, как ни в чем ни бывало. Он рявкнул на нее:

— Ты что? Командовать?

— Ладно, нечего пузыриться. По заслугам. И отсидишь: велика беда, — сказала Марья в роде, как утешительным голосом и прибавила не без резону:—На то и закон, а то пошто без толку-то судиться?

Он не выдержал и рассмеялся.

— Полоумная баба... как есть полоумная...

В этом смешливом настроении он и приехал с Марьей домой.

Из двери выглянула соседка:

— Али помирились?

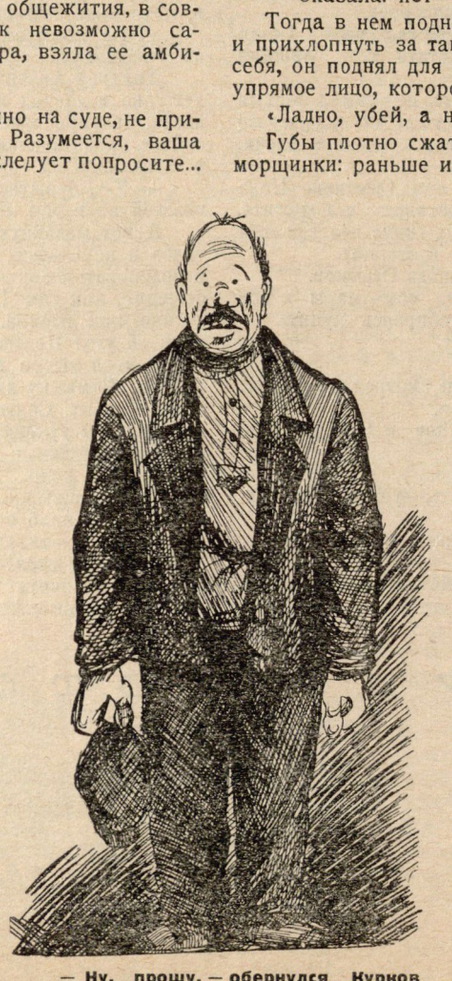
Он не знал, что сказать.

— А ну вас.

Угрюмо прошел к себе в комнату и сел на постели.

— Обедать что ль подавать? — сказала Марья.

— Обедать? Ах, ты сукина, рассукина дочь... Обедать предлагает.

— Ну, прошу, — обернулся Курков к жене—Чего народ задерживать...

— Слышала. Чего еще не придумаешь ли? Аль ничего?

— Придумывать для тебя? Придумать для тебя веревку петлей да стащить в пруд.

И тут случилось: он увидел грудь и живот Марьи у своего лица. Острый, как ножик, крик, казалось, резнул все пространство квартиры:

— Ну, души-и... Чтож-ж рук-то не подымаешь? Угрожа-атель. Кончай коли, что ль, лапоть липовый.

Она схватила и рванула его плечо так, что он пошатнулся и чуть не упал.

— Каку взял волю подумаешь. Чай, не в бессудной стране. Сами же закон построили, а все-видно, «наплевать»,— передразнила она любимое словечко мужа:—Закон-то зря, вишь, писан. Как же. Знай, сиди. Отбудешь, тагды...

— Разведусь... Право слово... Не-ет никаких сил.

— Разведесси? А что толку? Я ли, другая ли? Главное, руки тебе укоротили,—и сиди. Думал, коли жена, так и навалил дерьма. Ан вот тебе: и жена, а гражданка. Такая ж, как все. Еще почище.

Она швыряла посуду по столу, готовясь к обеду.

— Вот дура баба...

— А дурой будешь звать, опять в суд подам: за оскорбление личности. Содержи себя, означает, прилично. А ты что думал? Ты—кобель—и в отделку? Поучисси.

— Так ты меня учить захотела?

— Не я: закон выучит. А ты думал: шутя? Это другие шутят, может, а я повсмаделешнему. Небось, будешь шелковый. Садись, что ль к столу. Нечего раскорячиваться, не театр тут тебе.

Поевши (не удержался-таки, ах, морда), Курков попытался ради соблюдения самолюбия вести с женой разговор уже не «всерьез», а в смешном духе:

— А дальше-то как жить будем, если я через тебе в остроге отсидевши... х-х...

— А что ж отсидевши? На то острог. Не все сидя-сидеть, и полежишь, небось, когда.

Глаза ее были серьезны, руки сложены на животе горбушкой.

— Небось, острог не зря построен. Отсидишь и знать будешь.

— Взгляд, можно сказать .. А сама-то с ребятами чем жить будешь?

— Не я одна бедую: и у других мужья по острогам сидят.

— Так ведь те... Ну как не сказать: дура?

Марья вышла и хлопнула дверью.

Ночь провели, несмотря на все, дружно.

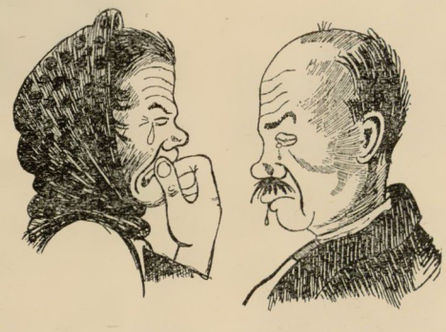
«Чудеса!—раздумывал утром Курков, собираясь в исправдом:—Не разберу. Вот это так баба. Сколько годов с нею прожил, а не знал».

Марья встала рано и испекла ему пирогов: взять с собой. Сначала Куркову казалось, что он как бы духом ослаб... но нет: тут другое... а что?

Всю дорогу ехали с другим извозчиком, который, заменяя Куркова, отвозил саженцы в город, и потому молчали.

«Черти-что, — размышлял Курков. — И скажите на милость: любит меня стерва. Лю-юбит. Сегодня перед расставаньем всплакнула».

И Куркову было сейчас в роде, как совестно, что жена его любит, и,вместе, раздражало все это от большой непривычности. Было такое чувство, что в роде как он поехал не умывшись или на людях с него соскочили портки... не разбери что...

И ума не приложу, головушка моя бедная...

Рис. С. Дмитриева.

Хозяина пропечатали...

У входа в исправдом он глянул на нее и... опять рассмеялся, но смех вышел ненастоящий, и рожу всю перекосило на-сторону.

— Ну, ты как? Значит, за зуб? Теперь квиты? Зуб-то я думал твой, а он как же теперь? Выходит: гражданский? Х-х... Так что ли?

— Я этих твоих слов не понимаю. Прощай что ли Я приходить буду.

— Марья. Машуха... а это, значит, как же.. потом опять жить со мною располагаешь или, может, как их... эти самые проклятые илименты? Так я, все равно, платить не буду... На Кавказ уеду .. Да нет, я не про то... Маруська...

— «Маруська» .. Эк, вспомнил...

Марья улыбнулась и размазала пальцем слезы по щекам. Обоим им показалось, что глянуло, как солнышко, их прежнее, весеннее, первые их встречи, когда он звал ее, любуясь, Марусей...

Он тоже отвернулся, глотая слезы Марья плакала.

— И-ван .. Ва...ничка... Как же теперь-то быть? Сидеть-то долго тебя приговорили. И ума не приложу... головушка моя бедная...

Вдруг ее набухшее слезами и сморщенное от внутренней боли лицо прорезал точно светлый луч: догадка.

— Ваничка, чегой-то в голову мне пришло: к аблакату бы сходить. Сказывают: вызволяют.

«Сумасшедшая или окончательная дура?—размышлял Курков:—Или только смеется?».

— Дура ты не дура, Маруська, а чорти-что... Эх, ну дай обниму за выдумку. Так адвоката, говоришь?

— В этом не потаюсь,—согласилась и Марья:—Все дело было у меня обмозговавши. Одного не сообразила: аблоката не взяла. Эти, сказывают, черти со дна морского вызволяют.

Курков вытер от смеха глаза рукавом.

— Значит, похлопочешь?

— Похлопочу. Сиди в надежде, соколик, спокойся. Небось. не какая я тебе, а жена.

Курков махнул рукой и шагнул в исправдом.

Марк Криницкий.

ОГНИ.

Закат на запад тихо сполз,
Сгорая за холмами,
Где возвышается колхоз
С кирпичными домами.
И вдоль родимой городьбы,
Линейными рядами,
Идут высокие столбы,
Мерцая проводами.
. . . . . .
Так значит то, что я искал,—
Что я искал, страдая,
Здесь есть...
Там элеватор сжал
Пшеницы солнечный закал,
Там в каменных сараях
Машинный строй.
Уж на току
Я не увижу цевня.
Забыла жгучую тоску
Советская деревня.
Закат давно на запад сполз,
Растаял за холмами ..
И брызжет на село колхоз
Цветущими огнями.

Борис Сенопальников.

О трех из тысяч

Очерк В. Старцева.

ИМ БЫЛО всего по 12—13 лет, когда впервые их привели к воротам фабрики. Две сестренки Саша и Наташа Русановы робко смотрели на тучного человека. Тот, указав на огромнейшую кучу железа во дворе, коротко приказал:

— Таскай!

И они таскали с раннего утра до позднего вечера, надрывая себя; часов не считали. За них считали часы другие и платили, как видно было заведено, по копейке за час.

Они росли. Им прибавляли еще по полкопейке. Боялись, когда к ним подходил тот тучный человек. Заметив какой из'ян, он кричал:

—Вон! За ворота вышвырну!

Иногда он был добр и только коротко замечал:

— Старайся... Старайся...

И они старались, но выстараться все же не могли. Были снова за страшными воротами. И снова приходили к воротам других фабрик просить работу. И снова слышали короткое:

— Таскай!

Так работали не одни сестры Русановы,— их были тысячи таких Русановых. И никакой другой работы они не видели, кроме как «таскать».

* * *

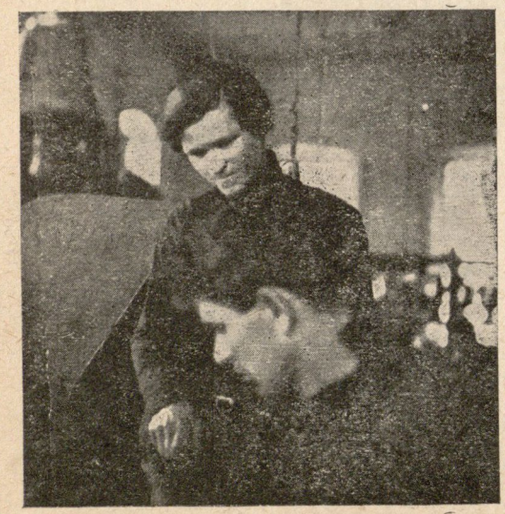
Революция выгнала из фабрики всяких Баташевых—этих королей и корольков. Хозяином стал рабочий класс.

Не на дворах за носилками, а в мастерских за станками нашли себе место работницы.

Вывеску: «Фабрика Баташева» сменила вывеска: «Фабрика имени Ленина». Работали на этой фабрике и сестры Русановы.

— Эй, бабы! Вам только ставить самовары, а не делать их, — смеялись некоторые рабочие.

— Замолчи уж, — обрывала насмешника Наталья Русанова. — Не хвались, пока не перескачешь.

[Цехмастер А. Русанова дает указания ученику.

— Ну, прыткая какая...

Сосед-насмешник скоро стал замечать, как спорилась работа в руках Русановой: скоро, ловко, чисто. При подсчете выработки сосед ужаснулся: Н. Русанова выработала больше его. Не веря ушам и глазам, рабочий рассматривал выработку Н. Русановой. Самовары, находящиеся в ее отделке, были чисты,—сделаны в пример другим.

— Вот так баба!..

Русанова работала и удивляла весь цех. Многих же по выработке перегнала чуть ли не вдвое.

— Это не работница, а машина,—восхищались ее работой товарищи.

* * *

Сестра ее Александра Русанова работала в полировочно-никелировальном цехе. За одиннадцать лет работы на фабрике она стала первой примерной работницей среди всех рабочих цеха.

— Вот тебе баба! — с восхищением говорили рабочие и про нее.—Всех «обставляет». Самовары-то ее—шик!..

Фабричное управление с фабкомом решало вопрос, кого назначить цехмастером полировочно-никелировального цеха.

— Да вот, куда лучше Александра Русанова,—предложил один из фабкомцев.—Примерная работница, заботливая и производствознает, как свои пять пальцев. Весь цех говорит...

Некоторые усмешкой скроили лица. Кто-то даже пренебрежительно протянул.

— Тоже выдумал... голова...

— Что? Ты поди в цех... спроси рабочих!—не унимался фабкомец.

— Да ты в самом деле не шутишь?... Да справится ли баба?... Кто ее будет слушать? Зубастому мастеру надо быть... А то «пуганет» кто бабу с верхней полки, тут уж только уши зажимай, не то, чтоб давать распоряжения...

К счастью, фабкомец остался не один. Его поддержали другие. Поддержал и директор фабрики тов. Чужанов.

— Ну, безобразий не допустим... Труддисциплина не на горле основывается, а на справедливом требовании и взыскании... А Русанова, верно, прекрасный работник...

И стала А. Русанова цеховым мастером.

* * *

— Эй, ребята, цехмастер идет с... Хи!...

— Дурак, тебя что ли, пьяницу, в мастера поставят? Иди проспись,—одернул сосед-рабочий хихикающего товарища.

Другой, подмигнув, заметил:

— Ему теперь труба: не с прежним мастером пьянствовать...

Рабочие подходили к Русановой, выписывали материал.

— Вы, ребята, не отрывайтесь от станка, я выпишу и раздам сама... Надо изживать простои,—замечала Русанова и направлялась к кладовой.

— Вот чорт, новые порядки вводит,—ворчали другие мастера.

Но скоро сами стали следовать примеру Русановой.

Русанова все присматривалась. Наконец начала подтягивать.

— Ты что это лодырничаешь, Николай?

— Что ж и покурить нельзя? Строга больно...—возражал недовольный рабочий.—Да ты что это? Не доработаю я, мой карман страдает, а не твой...

— Ну, становись, работай, и чтобы без простоев... По полчаса не курить...—строго говорила Русанова — Будто не понимаешь: фабрика страдает... От твоего простоя и на чистке и на никелировке может случиться простой от недогрузки...

Таких Николаев оказалось не один. Единственный выход—перераспределение работы.

Первая станочница фабрики А. Шапрова.

Администрация согласилась на такую рационализацию. В цехе поднялся шум:

—Это что ж такое! Сколько работали, ничего, а тут поставили бабу, и она начала командовать! - кричали недовольные.

— Что, не нравится?—вступалось за Русанову большинство рабочих.— Это вам не старый мастер: пьянствовать с вами не пойдет. А из-за вас, из-за лодырей, фабрика не должна страдать!..

Перестановка произошла. Рабочие не только смирились, но стали даже хвалить Русанову за сметливость и распорядительность.

— Ну, и ловкач! И дело здорово пошло!

— Да, у нее не свернется... Строга... И погулять не захочешь...

— Погуляешь, а потом не поздоровится...

— Смотрите, ребята, а здорово устроено. Люди лишние даже оказались. Сними Николку, Ваньку и Петруху, и работа по прежнему пойдет...

И действительно, скоро пришлось перевести в другие цехи и Николку, и Ваньку, и Петруху, и этим никакого ущерба производству цеха не было нанесено: попрежнему справлялись, а экономия получилась большая.

И тов. Чужанов, директор фабрики, говорит:

— Первый у нас на производстве цех-мастер женщина и оказалась лучшей из всех мастеров. Другие мастера только механически выполняют распоряжения, а у Русановой своя инициатива во всем: как лучше сделать, как лучше вообще поставить работу цеха... А это-то и ценно в нашем производстве... Да, побольше бы нам таких выдвиженцев!..

* * *

Социалистическое соревнование могучим током всколыхнуло рабочие массы.

Наталья Русанова первая заявила:

— Мы все можем поднять норму выработки.

И подняла ее на 15 процентов. Она и расценок за чистку самоваров снизила с 6 р. 4 к. до 5 р. 75 к.

Вызов, сделанный Н. Русановой через стенгазету, был принят всеми работницами.

Собрание было оживленным:

— Конечно, не отстанем, — говорили работницы.—Норму надо увеличить...

— Прогулов у нас и без того меньше, чем у мужчин... Совсем надо изжить беспричинные прогулы... Пусть мужчины подтягиваются.

— Брак?.. Что ж, надо подтянуться; аккуратней надо работать...

И все за активом стали подтягиваться...

* * *

Растет здоровая надежная смена.

Молодой девушкой Шура Шапрова поступила на фабрику им. Ленина — в 1926 г. Год она проработала уборщицей. Ее выдвинули на производство. Скоро она стала работать на станке по развертке кранов. Ни одна женщина ранее не работала на этой работе. Большое уменье и сноровка требуются здесь. Мало мужчин справляются с этой работой.

И вот, к удивлению рабочих, Шапрова стала работать и великолепно справляется с разверткой кранов.

— Молодая, а как жарит... Огонь! — говорили про нее.

И т. Шапрова стала первой станочницей.

Хороший рабочий—хороший общественник. И тов. Шапрова сделалась передовым общественником: вступила в партию, выбрали ее зампартгрупповодом, цехуполномоченным, работает членом женкомиссии.

Ей теперь всего 22 года, но она служит примером и «старикам».

Сестры Наталья и Александра Русановы.

* * *

Вот лучшие из тысяч лучших, которым революция широко открыла двери в новый быт, открыла путь к творчеству, к созиданию новой — своей — жизни, к строительству социализма, — и которые доказали, что они могут строить и созидать, нисколько не хуже мужчин.

Граф Толстой.

Спокойно и зелено
В Ясной Поляне.
У Льва Николаевича Толстого,
У графского дома,
Толпятся крестьяне.
Писатель встает
В половине шестого.
И после своих размышлений о боге,
О вечном смиреньи,
О чуде великом
Толстой одевает на графские ноги,
Пахучие лапти,
Хрустящие лыком.
А в кухне,
Где запах всегда одинаков,
Где много угара, и разного люда,
Готовят ему
Из отборнейших злаков
Вегетарианские блюда.
И после закуски,
Что лучшего сорта,
Идет он за плугом,
И пашет до пота.
И верит,
Что это не в качестве спорта,
И думает честно, что это—работа.
Он знает,
Что горем болеет планета,
Готов он
Крестьянские принять мученья.
А в эту минуту,
В тиши кабинета
Женой продаются его сочинения.
И я необычно
Угрюм и печален,
В глубоком раздумьи
Стою перед гробом:
Великий писатель,
Он был гениален,
Но не настолько,
Чтоб стать землеробом.

Борис Ковынев.

СТИХИ СКОПИНСКИХ ПОЭТОВ.

Красным командирам.

Красноармеец
Вырос в командира.
А разве вас—
В буденовках один?
Не даром сердце
Бьетья под мундиром
Гигантским взмахом
Волховских турбин.
Дитя боев,
Октябрьской колыбелью
Ты был баюкан
В молниях борьбы,
Чтоб дать конец
Кровавому веселью,
Чтоб сняли цепи
«Жалкие рабы».

Откуда вы?
Зачем винтовки взяли,
К затвору льнете
Твердою рукой?
Да, знаю, знаю,—
Разве на вокзале
Задремлет кто под паровозный вой?
Вам, вам, борцы
От крепнущих заводов,
От деревень
Окраин и морей,
Поется песня
Бешеных приводов,
Схвативших мир,
Как пару шестерней.

К. Шориков.

Урожай.

Скирды встают задумчиво-спокойны.
Заря им кудри нежно оросила.
А ветер шепчет—парус быстро-вольный:
«Сильна теперь Советская Россия».

Рей песня, рей крылами самолета
В бетонно-синем солнечном разливе.
Не зря терял крестьянин капли пота,
Не зря трудился он на ниве...

Течет заря искрящимся потоком.
Мир распахнул кроваво-красный ворот.
А там, в лучах смеющихся, далеко
Повис победно Серп и Молот.

Творцы коммуны, нам отдых будет после.
Сейчас за плуг, винтовку заряжая...
Струитесь медом спелые колосья,
Пьяните всех приходом урожая.

К. Шориков.

Слово.

Свинцовый дождь над ширью белой
Полей бумажных льет и льет.
Из капель букв в руках умелых
Колонна слов стальных встает.

И мысль, и огненное слово
Летят в неведомую даль.
И там звучат, родятся снова,
Струясь на солнце, как хрусталь.

И зорькой ласковой, бодрящей
Они, как солнце, светят нам,
И зноем страшным и палящим
Грозят враждебным берегам.

Могучий рупор миллионов,
Вулкан, прожектор, рулевой,
Раскатом гулким красных громов
Зовешь ты мир в последний бой.

Георгий Неклюдов.

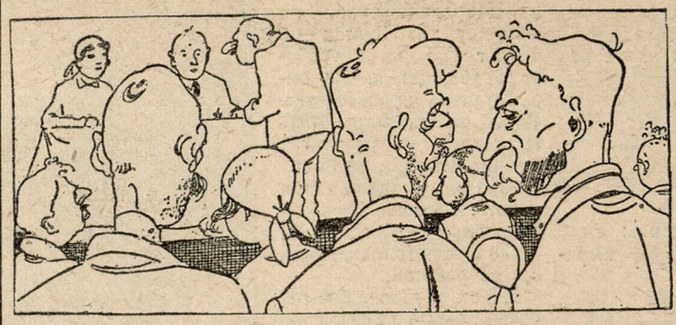
САТИРА и ЮМОР

Загадочная картинка для партдетей младшего возраста

Который из двух чище? И которого из них вычистят?..
Ответы направлять в ближайшую контрольную комиссию.

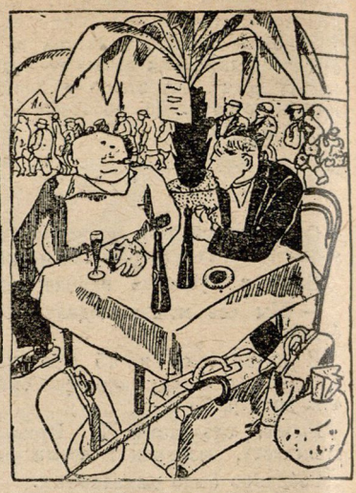
(«Крокодил»).

— Шестеренкина надо бы обязательно вычистить! За ним столько разных художеств...
— Так чего же ты молчишь?
— А что я—дурак, что ли? Моя-то очередь чиститься—после него.

(«Крокодил»).

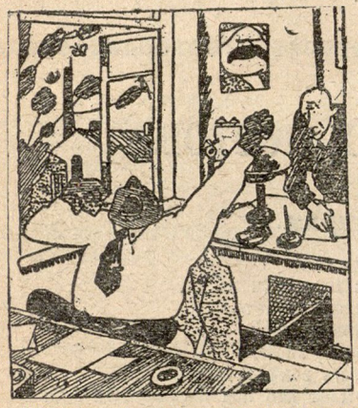
НА ВОКЗАЛЕ

— Вы куда? На производство?
— Вот именно. В кузницу здоровья.

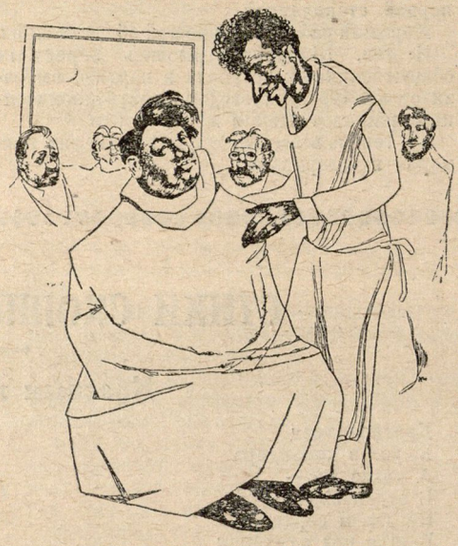
(«Чудак»).

Халатность профсоюзных организаций мешает развитию соревнований.

— Ну вот,—договор о соревновании подписан... Теперь можно и в отпуск смотаться...

(«Чудак»).

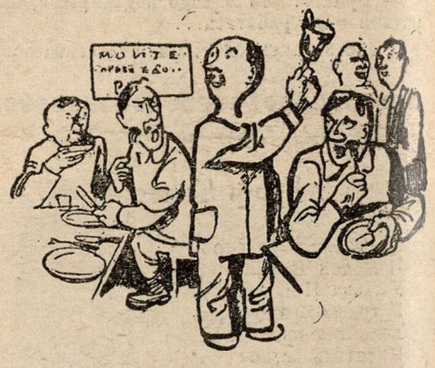

СЕЗОННАЯ РАБОТА

— Что прикажете?
— Отделай меня, братец, под пролетария!

(«Крокодил»).

НАПРАСНАЯ РАБОТА

— Брось звонить! Чего ты аппетит портишь?
— 12 часов. Перерыв на обед.
— Так мы уже полчаса обедаем.

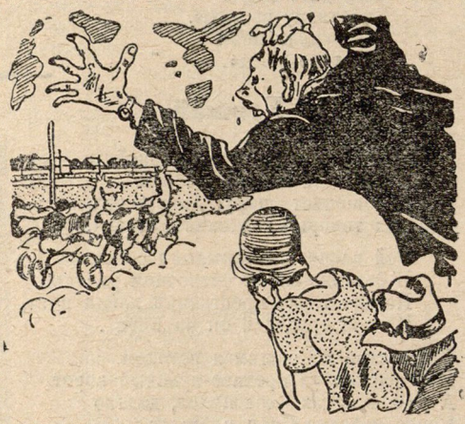
(«Чудак»).

НОВОЕ В МЕДИЦИНЕ

Омоложение аппарата путем пересадки.

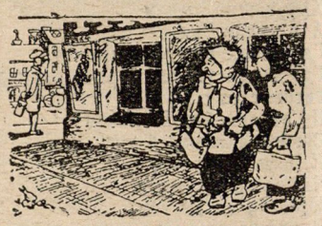
(«Чудак»).

КАССИР НА БЕГАХ

— Милая!! Родная!! Наддай!! Тебе всего полсекунды набрать, а мне три года сидеть!

(«Крокодил»).

— Не могу понять—просто ли он остановился или стал за чем-нибудь в очередь?!

(«Чудак»).

— Помилуйте, да какой же я бюрократ? Я всего-то три года служу в совучреждениях...

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Тулгублит № 936 Типография Тулпечати—Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 4139 Тираж 3000 экз.